

Юрий Гаврюченков

ЧЁРНЫЙ СЛЕДОПЫТ. СОКРОВИЩА АССАСИНОВ

Черный следопыт

Юрий Гаврюченков
Сокровище ассасинов

«Крылов»

1997

Гаврюченков Ю. Ф.

Сокровище ассасинов / Ю. Ф. Гаврюченков — «Крылов»,
1997 — (Черный следопыт)

В руки «черного следопыта» Ильи Потехина попадают перстень, браслет и кинжал Хасана ас-Сабаха, основателя исмаилитской секты убийц-хашишинов. О находке узнают современные исмаилиты и члены европейских Орденов, превратившихся в могущественные тайные общества. Реликвии способны сыграть важную роль на мировой политической арене. Начинается охота за сокровищем, в которой сталкиваются интересы старых врагов: безжалостных ассасинов и коварных рыцарей Алькантары. Да к тому же вещи ас-Сабаха, которые носит Илья, оказывают на него необъяснимое, мистическое воздействие, и кажется, он уже не властен над своей судьбой.

© Гаврюченков Ю. Ф., 1997

© Крылов, 1997

Содержание

Часть 1	5
1	5
2	14
3	18
4	28
5	33
6	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Юрий Гаврюченков

Сокровище ассасинов

Часть 1

Пожиратели гашиша

1

Когда находишь сокровище, мысли бывают самые неподобающие моменту.

«Археология – скотское дело, – думал я, глядя на согбенные тела в раскопе. – Всякий тяжёлый труд оскотинивает, а землекопство – одна из самых тяжких работ. Тягостный же труд без перспективы и отдачи оскотинивает втройне. Поэтому археологи в неудачный сезон – это те ещё скоты.»

Благодаря удивительному стечению обстоятельств, я занимался археологией как истинно белый джентльмен, впервые предоставив каторжный труд низшему сословию.

– Навалились, навалились, мужики!

– Э-ах...

– Пошла-пошла!

– Давай, налегай!

Мужики навалились, налегли на ломы. Плита сдвинулась с налёжанного за многие века места и поползла, открывая проход в могильник. Я наблюдал за работой, устроившись на брезентовом раскладном стуле и подправляя фонарь так, чтобы свет падал в раскоп, а не на спины трудящихся. Мужики копошились в яме, отбрасывая длинные двойные тени. Вторым фонарём заведовал охранник Женя, прилежно светя прямо в разевающуюся пасть древней могилы. Другой охранник, Валера прогуливался на неподалёку, держа наготове автомат. Землекопы, которых мы набрали по дороге сюда, потрудились, в общем-то, неплохо, подгоняемые зуботычинами Жени и Валеры. Их число сокращалось день ото дня. Ещё вчера рабочих было восемь, но один умер от солнечного удара. Солнце ударило его ночью при попытке к бегству. Хорошо, что Валера спал вполглаза и сумел взять точный прицел... Так что мужики работали за страх, довольствуясь трёхразовой кормёжкой и чифиром, без которого на этой жаре немудрено было отбросить копыта.

Мы проводили самостоятельные археологические раскопки в районе Газли и восхищались тонким интуитивным нюхом Петровича, безошибочно наметившего на старом кладбище именно эту богатую могилу, огороженную жалкими остатками заборчика-мазара. Неподалёку находилось занесённое песком городище XIII века. Когда-то здесь жили люди...

С Петровичем, вернее, с Афанасьевым Василием Петровичем, я познакомился на зоне в Металлострое. Туда я угорел за надругательство над могилой. Больше ничего мне пришить не смогли, несмотря крайне пристрастное отношение к моей особе следователя УБЭП¹ Ласточкина. Да и эту статью смогли доказать лишь из-за моего подельника Лёши Есикова, который сам глупо попался, да ещё и меня сдал, поспешив воспользоваться великодушно предложенным операми шансом накропать явку с повинной. Лёша им был не нужен, охотились-то за мной. Поэтому подельничек отделался годом условно, а я получил три – больше по 244-й статье не дают. Суд отнёсся ко мне без снисхождения. Все три года провёл за забором. Совесть не

¹ Управление по борьбе с экономическими преступлениями.

позволяла прогибаться перед ментами за УДО². В Металлке я и познакомился с Афанасьевым. На воле бы мы вряд ли сошлись – круг общения не тот. Василий Петрович занимался чёрной археологией с серьёзными людьми, на уровне Академии наук, я был ему не чета и свести нас могла только зона. Статья у меня была экзотическая, и Петрович сразу всё понял. Действительно, зачем человеку с высшим образованием осквернять могилу, если только он не фашист, забредший на еврейское кладбище, или полный извращенец? Но на фашиста я похож не был, на извращенца – тем более. Мы быстро нашли общий язык. С Афанасьевым меня роднили универ, исторический факультет которого мы оба заканчивали, правда, с разницей в двадцать лет, профессия и схожие взгляды на мир. Петровича тоже запер УБЭП, подведя под 164-ю статью о хищении предметов, имеющих особую историческую ценность. Мы были в одном отряде и жили в одной секции. Он тянул шестерик с 1997 года, так что и освобождаться пришлось почти одновременно. Афанасьев вышел на пару месяцев раньше.

Зона связывает крепко, порой на всю жизнь. Освобождаясь, Петрович оставил мне телефон. По нему я и позвонил, став вольным человеком. Трубку сняла жена Афанасьева. Моему звонку она не удивилась и пригласила супруга. За те два месяца, что я досиживал в казённом доме, Петрович успел посетить древний город Москву и, не поладив с местными копателями, готовился к экспедиции в Узбекистан. Он и втянул меня в эту авантюру.

В путь-дорогу собрались очень быстро. Я только и успел купить себе квартиру (уж спрятать от ментов деньги и ценности любой кладоискатель сумеет!), как рог протрубил. С нами поехали двое быковатых громил, оказавшихся в общении полными дебилами, – Женья и Валера, которых Петрович знал ещё с Крестов, и мы двинулись в солнечные края.

Поначалу я сомневался, что в мусульманской стране нам позволять раскапывать старое кладбище. В Азии отношение к предкам, неважно к чьим, я слышал, весьма трепетное. Однако авантюризм прожжённого гробокопателя Афанасьева на порядок превосходил мой скромный мародёрский опыт. Петрович давно всё продумал и теперь мы действовали по разработанному ещё на зоне плану, не отклоняясь от него ни на йоту.

В Бухаре, не отходя далеко от вокзала, набрали землекопов. Черни из числа туземцев и полукровок, одичавших от нищеты и безработицы, там обитало огромное количество. Быстро сколотили бригаду из десяти человек «дом строить большому начальнику». Здесь мне было чему удивиться и поучиться. Обычно я вставал на лопату сам. Чужой рабочей силой довелось распоряжаться впервые, тем более, столь жестоко и категорично. Но это Азия, здесь к человеческой жизни относятся грубее и проще, чем к этому привыкли в Европе или даже в нашей, расхлябанной, но цивилизованной России.

В городе приготовления прошли мирно. Закупили на всю братию продуктов и наняли КамАЗ. Афанасьев готовился к экспедиции серьёзно: в багаже, кроме палаток и походной мебели, отыскалась пара АКМС – для охраны. Охранять требовалось рабочих, чтобы не разбежались, а также нас самих, если наедет местная братва. Оружие пришлось испытать вскоре по прибытии на место. Узнав, что вкалывать придётся долго, тяжело и бесплатно, мужики заартачились, а один и вовсе решил проявить характер, тут не помогли ни кулаки, ни приклады. Кормить лентяя мы не стали, отпускать тоже. Пришлось Валере его расстрелять в назидание всем остальным. Дал очередь, мужик упал. Петрович цинично приказал считать это смертью от солнечного удара. Меня, ещё не акклиматизировавшегося и вялого от жары, сцена казни оставила безучастным. «Помер Максим, и чёрт с ним.» Однако рабочие напугались до безумия. Тою же ночью один сдуру попытался бежать, но Валера спал чутко, и таким образом бригада сократилась до восьми человек. Трупы зарыли в песок рядом с лагерем. На следующий вечер, после захода солнца мы приступили к раскопкам. Архивные изыскания Петровича, основанные на энциклопедическом знании предмета и великолепном научном чутье, дали результат.

² Условно-досрочное освобождение.

Когда-то давным-давно правила в этих краях могущественная династия саманидов. С 875-го по 999 год, если быть точным. За тысячу лет произошло многое, и захоронения шейхов, о которых узнал Петрович, могли быть разграблены задолго до нас, но всё же надежда оставалась. Мы работали по ночам, когда воздух и песок остывали. Каждый делал своё дело: Афанасьев руководил, я помогал, так сказать, в тактическом плане – на самом раскопе, а Валера с Женей стерегли бомжей, буквально, не смыкая глаз и отдыхая по очереди. По их поводу меня постоянно терзало сомнение, будут ли они столь добросовестными, когда увидят золото? С Афанасьевым этот вопрос мы не обсуждали, но я видел, что он и сам побаивается быков. На всякий случай я держал при себе ТТ, а Петрович не расставался с испанской «Астрой». Кто знает, что у этих отморожков на уме? Они ведь полные психопаты, нервные и опасные, как старый порох! И короткий, в две пули, «солнечный удар», скосивший на вчерашней днёвке ещё одного беглеца, наглядно это доказывал. Зря он решил удрать, не увидев самого интересного, потому что сегодня ночью мы раскопали могильник.

– И ещё раз!

– Навались...

– Осторожно, – я спрыгнул на дно траншеи. Плиту отодвинули настолько, что в могилу мог пролезть человек. На месте удалённой плиты зиял чёрный провал, он казался бездонным. – Жека, подай фонарь!

Ещё никогда такой яркий свет не осквернял праха саманидов. В белом конусе плавала густая пыль. Погребение малость присыпало песочком, – но в нём что-то поблескивало. Да, чёрт возьми, я знал, что там *поблескивало*! Я ждал его, словно чуял запах золота под толщей земли. Мы с Афанасьевым чуяли его задолго до того, как разрыли захоронение, а сам Петрович, наверное, обонял ещё в архиве, где вынюхивал по старым экспедиционным отчётам место будущих раскопок.

– Значит так, плиту убрать, в могильник ни ногой – там трупные яды остались! Без масок передохнете, как археологи в египетских пирамидах! – нагнав жути, я поспешил к палатке.

Золото было, я чувствовал, и беспокоился за его сохранность. Мудрый Афанасьев предусмотрительно пугал наших дебилов историями о гробокопателях, присоединившимся к усопшим, чей прах они хотели потревожить. Всю дорогу он рассказывал быкам об отравлении путресцином и кадаверином, образующимися при разложении тканей человеческого тела. Эти токсины могут сохраняться столетиями, а потому соваться в непроветренный склеп без средств защиты – чистое самоубийство. Участь экспедиции лорда Карнарвона, потревожившего прах фараонов, должна была надавить на мозги тупых и невежественных, а потому суеверных, торпед.

– Шабаш, нах! – скомандовал рабочим Валера за моей спиной. – Закуривайте-ка, бичи...

– ...А кто не курит – чи-чи-чи, – глумливо закончил Женя.

Я раздёрнул клапан четырёхместной командирской палатки, где жили мы с Петровичем. Афанасьев сидел за походным столиком и строчил в толстой тетради. Вероятно, писал очередную монографию. У него уже было несколько работ, посвящённых истории арабских халифатов, каким-то малоизученным заавыкам крестовых походов и периоду правления Салах ад-Дина, последняя даже была в моей библиотеке. Очень тягостное чтение для узких специалистов, вроде супруги Петровича, увлечённой медиевистикой. Для больших тиражей научно-популярных книг гладко излагать свои мысли Петрович не умел, а потому печатал монографии либо в типографии Академии наук по 300 экземпляров, либо за свой счёт, и собственно-ручно распространял по библиотекам и среди коллег. Не исключено, что теперь создавалась ещё одна, о саманидах.

– Закончили, – выдохнул я, дрожа от нетерпения. – Петрович, похоже, там что-то есть...

Афанасьев обратил ко мне лицо, изрезанное глубокими морщинами на выдубленной непогодой коже, красной от постоянного пребывания на открытом воздухе. С таким лицом,

носящим неистребимое арестантское клеймо, налагаемое неволей, и грубыми от извечного общения с лопатой руками он смахивал на пожилого рабочего, но никак не на кабинетного книжного червя, которым мог представляться по научным трудам и каким должен был стать к защите докторской диссертации. Но стал он археологом-авантюристом, реликтовым представителем учёных энтузиастов первой половины девятнадцатого века, когда профессорам древней истории приходилось месяцами жить в палатке, днём копать, а ночью отстреливаться от диких туземцев. Недавно ему исполнилось сорок девять, но волосы совсем побелели – то ли выгорели на солнце, то ли поседели... От переживаний. Работа такая.

– Отлично, – он встал и положил в карман пистолет. – Пойдём глянем, что у нас там.

Я схватил рюкзак с инструментом и мы пошагали к раскопу. Мужики отодвинули плиту и теперь покуривали на краю траншеи, обмениваясь короткими репликами. Валера с Женей осветили фонарями склеп и высматривали таящиеся в нём сокровища.

– Отлично, – повторил Афанасьев, также заглянув вниз. Он посмотрел на часы. – Пять сорок две. До восьми время есть.

За два с половиной часа, пока солнце не прогреет воздух до уровня приличной сауны, мы могли нормально работать. Чтобы поддержать легенду о трупных ядах и не набраться пыли, надели респираторы, перчатки и чулки из комплекта химической защиты. Под уважительными взглядами торпед и рабочих мы спустились в могильник и стали просеивать прах, выбирая из него твёрдые частицы, почти всегда оказывающиеся золотыми. Захоронение было довольно примитивным, однокамерным. Останки, скорченный костяк на спине, сопровождался довольно богатыми украшениями: кольцо, бляшки, нагрудная пластина, поясные накладки, серебряная рукоять плети и две уздечные пронизки – всё как полагается знатному воину. На груди – следы пергаментного свитка, вероятно, Коран, в изножье – серебряный сосуд. В изголовье Афанасьев нашёл ларец.

– В мешок, – скомандовал он. – Потом разберёмся.

Поначалу я кожей чувствовал, как нас пожирают взглядом охранники, но потом увлёкся, и мир сузился до размеров раскопа. Мы вылизывали могилу до половины восьмого. Уже рассвело и фонари были потушены. Наконец Петрович поднялся с колен, обвёл периметр цепким и порядком отрешённым, будто в себя смотрел, взглядом и вздохнул:

– Больше здесь искать нечего. Пойдём считать черепки.

Черепков у нас, конечно, не было, но малоприятные воспоминания о камеральной обработке кусочков обожжённой глины остаются на всю жизнь. Не знаю, когда в последний раз Афанасьев видел таз с фрагментами гончарной керамики, лично я – на пятом курсе универа. За время учёбы я наковырялся с ними до тошноты и больше такой возни не хотел. Поэтому и стал копать исключительно для себя, а не для науки. Мышинная карьера музейного работника с ростом от младшего научного сотрудника до старшего перестала меня прельщать уже в десятом классе, а практика на истфаке выработала к ней резко отрицательное отношение.

В палатке мы содрали химзащиту и разложили на столе найденные сокровища. Охранники согнали мужиков к их тенту и стали готовить завтрак. Часам к десяти должен был подъехать КамАЗ, привезти воду. Словом, начиналась днёвка.

– Итак, что у нас тут? – деловито произнёс Петрович, очистив от пыли массивный ларец.

Он поднял крышку. В палатке тягуче и приторно запахло восточными благовониями. Мы вдохнули древний воздух, с пониманием переглянулись и обратились к находке. В ларце лежали золотой перстень, наручный браслет, также из золота, с мелкими рубинами и кривой кинжал в почерневших серебряных ножнах, с серебряной рукоятью, инкрустированной золотой нитью. В перстне находился большой, плоский, чистейшей воды изумруд. Осмотрев другие находки, мы пришли к выводу, что вещи из ларца были старше других украшений, которые Афанасьев датировал по орнаменту тринадцатым веком.

– Определённо, не саманиды, – заявил Петрович, внимательно изучая внутреннюю поверхность браслета. – Да неужели? – пробормотал он. – Шейх аль-джабаль... Или шейх-уль-джабали... огласовок нет... Будем считать шейх аль-джабаль. Тут идафа... Значит, горы, наверное. Совсем забыл арабский. – Он впился взглядом в перстень и протянул мне оба предмета. – Посмотри.

Я посмотрел. Изнутри браслет покрывала арабская вязь.

– Там написано «шейх аль-джабаль», – перевёл Афанасьев, – Старец Горы. Ты знаешь, кого так называли?

Я мотнул головой. Невозможно было тягаться познаниями со специалистом по арабскому миру, который был в курсе разных титулов всех мелких князей, населявших Среднюю Азию.

– «Старцем Горы» называли Хасана ас-Сабаха за то, что он не вылезал из горной крепости Аламут, – наставительно пояснил Петрович.

Когда до меня дошло, что я держу в руках, во рту пересохло. Кажется, мы совершили важное открытие и стали обладателями бесценных реликвий. Многие коллекционеры готовы за них платить столько, что и представить тяжело. Я затруднялся назвать сумму, догадывался лишь, насколько она будет высока. Очень высока. Если находку грамотно продать, то можно всю жизнь не работать и заниматься раскопками для собственного удовольствия.

Хасан ас-Сабах, харизматический религиозный лидер исмаилитов, безжалостно правил с 1090-го по 1124 год на севере Ирана. Он создал Орден фанатичных убийц-смертников, оставивший в европейских языках слово «ассасин», обозначающее злого душегуба. Основанная им исмаилитская секта слепо подчинялась исполненному святости господину. Искусными помощниками шейха в особых условиях воспитывались фидайны – жертвующие своей жизнью, готовые без оглядки голову сложить за свои великие идеалы. Фидайны исмаилитов или, как их ещё называли, хашишины были вездесущи, а вынесенный Старцем Горы приговор – неотвратим. На ножах фанатиков-убийц держалось маленькое теократическое государство исмаилитов, просуществовавшее полтора века. Талантливо сочетая подкуп, проповедь и террор, шейх аль-джабаль подчинил себе обширные районы Сирии и Ливана, которые ещё долго находились под властью секты после его смерти. Конец исмаилитскому правлению положили монголы в середине XIII века, но святыни секты не достались врагу. Каким-то образом человек, сохранивший личные вещи Хасана ас-Сабаха, перебрался на территорию нынешнего Узбекистана и завещал похоронить с собой драгоценные реликвии. За это мудрое указание я был ему признателен.

Афанасьев достал из ларца кинжал и осторожно, скорее даже ласково подул на него.

– Ханджар, – с благоговением произнёс Петрович. – Ещё он называется джамбия. Этот кинжал был для хашишинов священным символом их смертоносных клинков, подобно тому, как небесный Коран отражается в земных рукотворных книгах. Кинжал ас-Сабаха почти никогда не доставался из ножен, потому что тогда должна была начаться война. Считалось, что он волшебный. На лезвии его было написано слово «джихад» – священная война против неверных.

– Значит, надпись должна быть и сейчас, – сказал я, не скрывая иронии. Увлечённые историки любят рассказывать сказки. Мне это казалось смешным. Я был прагматичным историком, пиратом с лопатой. А сказки хороши для посиделок у костра.

Мои слова привели Петровича в чувство. До того момента он словно был заморожен древней легендой о всемогущем «Старце Горы», представлявшейся чем-то красивым, но бесплотным. Теперь кинжал был перед ним, он реально существовал и, значит, реальной была легенда. Афанасьев бережно обхватил рукоятку.

– Страшно как-то, – по-детски улыбнулся он, – а тебе?

– Не знаю, – пожал я плечами. – Теперь страшно.

Покопавшись как следует в могилах, на местах боёв и на заброшенных городищах в дремучих лесах, начинаешь понимать, что мистика и народные поверья возникли не на пустом месте. Несомненно, потусторонний мир тесно связан с реальностью. Но что может воследовать от обнажения реликвии давно распавшейся секты? Все фидайны уже несколько столетий наслаждаются в райском саду, так что опасаться нечего. Разве что кусок стали пробудит их к жизни?

*– Проснёшься ль ты опять, осмеянный пророк?
Иль никогда на голос миценья
Из золотых ножон не вырвешь свой клинок,
Покрытый ржавчиной презренья?*

В палатке повисла гробовая тишина. Я смотрел на Петровича, Петрович смотрел на меня. – Это Михаил Юрьевич Лермонтов, – наконец промолвил я. – Само как-то на ум пришло. – Может быть, ты и прав, – вздохнул Петрович и бережно вытянул кинжал из ножен.

За девять веков лезвие изрядно потемнело. Ржавчины я не заметил. Умели ковать ножи на Востоке! Впрочем, стоит ведь железная колонна в центре Дели, и ничего ей не делается.

– «Джихад», – удостоверился Афанасьев и показал гравировку арабской вязи, идущую по клинку справа налево. Меня начал бить озноб. Сказка, превратившись в быль, перестала казаться смешной. Не знаю почему, но мне очень захотелось, чтобы лезвие исчезло. Перенервничал сегодня, должно быть. У Петровича тоже затряслись руки, он быстро вложил кинжал в ножны и опустил обратно в ларец.

– Не попить ли нам чайку! – сказал он.

Я взял чайник и пошёл греть воду. Афанасьев пристрастился к крепкому чаю задолго до зоны – у него был большой опыт полевых работ. Иногда я тоже чаёвничал с ним, хотя как правило останавливал выбор на кофе. Наша кухня, ящики с консервами и примус под тентом, помещалась слева от входа.

Выйдя из палатки, я постоял недвижно, закрыв глаза и обратив лицо к солнцу. Через пару минут дрожь отпустила и стало припекать. Тогда я забрался в тень, подкачал примус и разжёг огонь.

Пока кипятилась вода, я опустился на ящики и предался сладким грезам. Сегодня было, о чём помечтать. Занимаясь раскопками, не мелким кладоискательством, а могильниками вроде нынешнего, всегда надеешься откопать сокровища древних царей. Или просто личные вещи исторических знаменитостей. Все копатели в меру честолюбивы и желают увековечить своё имя. Хотя бы в виде таблички или надписи на экспозиции областного краеведческого музея, что иногда и делают, отдавая в дар не представляющую интереса мелочёвку. Но сокровенной мечтой остаётся найти нечто по-настоящему ценное. В детстве моим кумиром был Генрих Шлиман, одержимый археологической страстью романтик, отыскавший Трою по гомеровской «Илиаде». Да что там говорить, оставался до сего дня. Но теперь всё изменилось. Я держал в руках вещи, принадлежавшие реальному человеку, который вписал в анналы Мировой Истории выразительные кровавые строки. Находка личного оружия и украшений Хасана ас-Сабаха очень важное открытие, специалисты его оценят. Но, самое главное, что открытие это – моё...

От удовольствия я даже зажмурился. Сейчас я готов был выставить содержимое ларца на стенде любого музея только за право опубликовать статью в «Нэшнл джиогрэфик», «Вокруг света» или любом другом популярном журнале. До ломоты в зубах хотелось прославиться. Шипение закипающего чайника вернуло с небес на землю. Я открыл глаза и понял, что нахожусь не в кресле с журналом в руках, а в узбекской степи. И являюсь «чёрным археологом», который продаёт честь и славу за деньги. Моё открытие не описано, не сфотографировано, не нанесено на план, да и плана никакого не было, ибо мы с Афанасьевым не разбивали сетку

квадратов и вообще не особо затруднялись с формальностями, потому что проводили нелегальные раскопки, о которых в присутствии настоящих учёных лучше не говорить вслух. Мы – грабители, и, вторгаясь в культурный слой, уничтожаем всё, сколь либо ценное для науки. Именно поэтому о моей находке никогда не узнает мир. Да и не моя она, а, на самом деле, афанасьевская. Древние реликвии уйдут в руки неизвестного богача через длинную цепь посредников. Нам хорошо заплатят, но находку сделают безымянной. В подпольном мире торговли историческими ценностями умеют соблюдать конспирацию. Сколько крупных археологических открытий сгинуло в этой паутине... Так что на известность рассчитывать не приходилось. Разве помечтать иногда.

Я снял с огня чайник, выбрался из-под тента и увидел идущего к палатке Валеру. Автомат болтался на плече стволом вниз. От охранника с каждым днём всё сильнее пахло смертью. Неприятная такая аура. Заметив меня, Валера изменил курс.

– Василий спит? – поинтересовался он, приблизившись. Его солнцезащитные очки сияли двумя озёрами расплавленного металла и слепили глаза. Дурацкие очки, Валера явно насмотрелся полицейских сериалов и завёл овальные стёкла в блестящей оправе, как у крутого копа. Впрочем, благодаря зеркалкам, не было возможности видеть глаза нашего экспедиционного палача, чего мне меньше всего хотелось бы.

– Нет, – сдержанно, но без страха в голосе ответил я. – Поговорить хочешь?

– Ну! Побазарить надо.

Я откинул клапан палатки, мы вошли. Афанасьев сидел у стола и чистил от праха нагрудную пластину. Валера содрал очки и заморгал: после белого солнца пустыни в палатке казалось темно. Я насыпал в пиалу Петровича горсть чая, залил кипятком и накрыл перевернутым блюдцем. В свою положил две ложки растворимого кофе и три ложки сахара.

– Василий, это... – Валера замялся. – Мы с Жекой знать хотим, чего нашли. Чтоб без балды всякой было. Ну, ты сам понимаешь.

Испытующий взгляд Афанасьева стал жёстким. Валера молчал, ждал ответа. Афанасьев тоже молчал, ответить сразу такому человеку было несолидно. «*Oderint, dum metuant*»³, как говорили в Древнем Риме. Удивляясь внезапному нахальству наших дебилов-торпед, я взял свою пиалу, присел на складной стульчик и незаметно поправил под одеждой ТТ.

– А ты не бойся, всё будет по чесноку, – отрезал Петрович, выдержав паузу, как будто очень тщательно обдумывал ответ. – Дело сделаем и каждый своё получит.

Я отхлебнул кофе и увидел на лице Валеры странное зачарованное выражение. Он алчно уставился на золото, раскиданное по столу. На секунду мне показалось, что его взгляд прикован к кинжалу Хасана ас-Сабаха, но потом Валера моргнул и отвёл глаза.

– Рабочих покормили? – спросил Афанасьев.

– Сейчас накормим, – Валера снова стал прежним исполнительным охранником.

– Ну иди тогда, – скупой напутствовал его Петрович и вернулся к прежнему занятию.

Валера напоследок окинул взглядом стол, зыркнул на меня, нацепил свои дурацкие очки и покинул палатку.

Афанасьев молча чистил пластину.

– Не нравится мне всё это, – сказал я.

Петрович помахивал кисточкой: ших-ших-ших-ших. Нагрудник давно был чистый. Афанасьев думал. Наконец он сдул несуществующую пыль и соизволил повернуться ко мне.

– Распустились, – резюмировал он. – Нам ухо надо держать востро. Дай-ка чашку.

Я протянул пиалу. Петрович рассеянно глотнул свой чифир, даже не озаботившись совершить обязательный ритуал подъёма нифелей и прочие заварочные премудрости. Было

³ Пусть ненавидят, лишь бы боялись (лат.)

видно, что он озадачен и даже слегка напуган. Исходящая от Валеры угроза проморозила даже задубевшую кожу Петровича.

– Пистолет с собой? – спросил он.

Я кивнул.

– Приглядывать надо за ними. Особенно за этим, – Петрович указал на вход, где только что скрылся Валера. – Станный он какой-то сегодня. Не нравятся мне его глазки. Золото что ли в башку ударило?

От отвернул край салфетки, прикрывавшей, как я думал, поднос со шпателями. Под салфеткой лежал пистолет. Афанасьев взял его, встал и засунул под рубашку.

– Пойду коня привяжу, – успокоил меня Петрович. – Побудь тут.

Я снова кивнул в знак согласия. Золото всегда было сильным искушением, а иногда чересчур сильным, чтобы удержаться от опрометчивых поступков, особенно, для дебилов, никогда настоящего богатства не видевших. «Не искушай ближнего своего», как сказано в одной очень умной книге. Интересно, читали ли её наши торпеды, а, если читали, то что из неё вынесли?

У входа Василий Петрович обернулся.

– И ещё, – сказал он. – По-настоящему ценными здесь являются только эти предметы...

– Вещи ас-Сабаха, я понял.

– Если что, – Афанасьев махнул рукой, – спасай их в первую очередь.

– Будет сделано, – заверил я.

– А насчёт осмеянного пророка ты хорошо сказал. Бедный ас-Сабах... – Петрович почему-то грустно вздохнул и вышел.

Я проводил его взглядом. Посмотрел на разложенные находки. Покосился на входной клапан. В жару Афанасьев по нужде далеко не пойдёт, так что я вполне могу на него рассчитывать в случае чего.

А в случае чего, собственно? Разве что Валера с ножом в зубах прокрадётся в палатку? Ерунда. Никто никуда не полезет. Однако что-то меня насторожило в его поведении. Был Валера какой-то странный, как одурманенный. Анаши обкурился или вид золота так подействовал? Хотя, кто его, дебила, поймёт... наших бойцов я называл дебилами, потому что они действительно были дебилы. К тому же, Валера всегда мне импонировал меньше Жени, который, впрочем, тоже не подарок. Опасный пацан этот Валера: три судимости, и все три за грабёж. Согласно теории Ломброзо, которую современная медицина отвергает, а спецслужбы охотно применяют на практике, сочетание тяжёлого подбородка, скошенного лба и вывернутых ушей свидетельствует о наличии у человека склонности к насилию. Я бы также затруднился определить национальную принадлежность Валеры по внешним признакам. В нём было намешано кровей не одного народа. С виду – морда рязанская, но присутствовали семитские черты, кавказские, да и от среднеазиатов имелось порядком. Получился такой вот гибрид с изменённой в местах лишения свободы психикой и природной склонностью к насилию.

Подозрительный щелчок нарушил знойную тишь, заставив меня встрепенуться. Неоткуда было взяться этому звуку со стороны без других сопутствующих звуков – шума мотора и голосов. Это сделал кто-то из наших, а потому звук был знаком беды, видимо, неизбежной.

Первая сигнальная система – великая штука. Сколько раз она выручала меня в детстве, на раскопках, в неволе. «Слушай сердце», – учил иногда Афанасьев, а мой зоновский друган Слава-афганец говорил: «Выключай мозги, включай соображение». Что я и сделал, упав на пол, и, памятуя наказ Петровича, лапнул со стола кинжал с ножнами и лежащий рядом браслет. Действовал чисто интуитивно, потому что на душе вдруг стало пусто, тягостно и тоскливо.

Стенки палатки колыхнулись и замерли, засияв пулевыми пробоинами. Протрещал «калашников». Строчили вроде бы справа. Снова ударил АКМ. Пять выстрелов. Снова.

Лупили, не жалея патронов, но уже не по мне. В палатке восемь дырок и оставалось, по четыре в каждой стене.

Сухо хлопнул пистолетный выстрел.

Ответили две длинные очереди. Поливали от души, не задумываясь о расходе боезапаса. Так стреляют только испуганные «бакланы», никогда не имевшие дела с оружием. Пистолет больше не стрелял. Лежать и ждать, пока тебя изрешетят сквозь тонкий брезент, было слишком мучительно. Я вытащил ТТ, отвёл назад курок и осторожно выглянул в щель клапана. Вполне естественно, что я никого не увидел. Пустыня как пустыня, только вдалеке поднималась пыль, словно столб дыма.

«Лучший способ защиты – нападение». Я выскочил, пригнувшись, ожидая увидеть дебилов, нацеливших на меня стволы, но их не было. Я обошёл тент, под которым стояли не потревоженные ящики с едой и примус. Отсюда открывался обзор на палатки охраны и рабочих. Мужики драпали. Валеры с Женей видно не было. Я растерянно огляделся.

Что творится? Кто стрелял? Валера? Нет, не он один: две длинные очереди били слитно. Значит, действовал вместе с Женей или против него? Что, собственно, произошло? И где Афанасьев?

Тревога за коллегу перевела мои размышления в качественно иное русло. Я вновь согнулся, словно опомнившись, и побежал к остаткам крепостной стены – невысокому валу, куда дувший в последние дни ветер нанёс кучу песка, превратив в самый настоящий бархан. Там я и спрятался. Залёг, упав на живот и тяжело дыша. Только сейчас я обнаружил, что в левой руке у меня зажат кинжал и браслет шейха аль-джабаль – Старца Горы.

2

Всё-таки Советский Союз был страной поистине необъятной. Сколько разных, непохожих друг на друга городов! Выросший в Ленинграде, я обалдел от азиатских диковинок Бухары. И если страх от толпы туземцев, болтающих на своём тарабарском языке, как-то скрадывался в микрорайонах новой застройки, то в старом городе я чувствовал себя полностью неприспособленным к жизни. Узкие улочки, местами сбрызнутые от пыли водой, ограждались высокими заборами и глухими стенами глиняных домов. Чужаков здесь не любили, да и к соседям относились с заметным подозрением. Город варваров! Однако именно здесь обитал единственный в Бухаре человек, к которому я мог обратиться.

Почтенный Алмазбек Юсупович был хозяином лавки драгоценностей, при советской власти – директором ювелирного магазина. Его мы с Афанасьевым навестили сразу по приезде в Бухару. Надо было налаживать отношения с мафией, руководствуясь мудрым правилом: «Куй железо, пока горячо». Алмазбек Юсупович, средней величины звено в местной криминальной системе, был человеком старой закалки и всячески показывал, насколько почтён вниманием гостей из северной столицы. Мы заплатили за право спокойного передвижения по стране со всем экспедиционным хламом, оружием и рабами, которых ещё предстояло нанять, а за раскопки предстояло рассчитаться по их окончании. Алмазбек Юсупович был равнодушен к наследию предков и хотел пополнить в свою коллекцию предметов старины найденные нами цацки из могильников. На себя он брал переговоры с узбекскими авторитетами: то ли ворами, то ли чиновниками, я так и не понял, с кем. «Восток – дело тонкое». Вероятнее всего, новыми баями. Разобраться в чужеродной системе отношений было непросто. Афанасьев меня просветил наскоро, но вдаваться в детали просто не было возможности.

Афанасьев...

Как я выбрался из пустыни, лучше не вспоминать. То, что экспедиция кончилась, я понял, когда пули изрешетили палатку, но не думал, что завершится она так печально.

Золото ударило в голову нашим охранникам-дебилам, и они решили не терять времени даром. Удовлетворились очередью по палатке и занялись Афанасьевым, который старался продать свою жизнь подороже и водил их по городищу чуть ли не километр. Тупые быки спешили покончить с самым, как им казалось, опасным противником. Это дало мне возможность уйти. Они свалили на КамАЗе, перед этим как следует обыскав палатку. Хотя, что там искать – всё и так лежало на столе. Вероятно, Женя с Валерой посчитали, что при разделе добычи между собой они получают больше, чем мы с Петровичем выделим им по возвращении в Питер. Справедливая мысль, но не разумная. Ведь надо было выполнять вторую часть договора с Алмазбеком Юсуповичем.

Зря они думали, что их никто не будет искать. Конечно, Петрович справился бы лучше. Однако я знал, что в Бухаре дебилы впервые. Логично было предположить, что обращаться они будут к знакомым. А такой знакомый был здесь один, наш общий.

Валера ездил с нами к Алмазбеку Юсуповичу – Петрович увеличил свиту как мог, здесь это было принято для солидности. Большой начальник без охраны не передвигается. Поэтому Женю оставили на вокзале стеречь добро, а сами отправились с визитом вежливости. Впечатление произвели нормальное, Афанасьев был в авторитете, я значился рангом пониже, но тоже был начальник. Вопрос в том, как отнесутся к Валере, который как в Петербурге был тупым бойцом, так и в Бухаре остался простым исполнителем-нукером, да, вдобавок, ещё и гяуром. Как встретят его одного? Вернее, когда он зайвится в компании с таким же дебилем Женей, покажет могильные украшения и будет что-то мычать в оправдание.

В том, что он понесёт найденное нами к Алмазбеку Юсуповичу, я не сомневался. В самом деле, имея на руках золотые цацки и зная ювелира, уже не пойдёшь на базар в чужом городе, а

постараешься сорвать куш побольше. Не менять же их за бесценок (ведь ясно, что краденые) на анашу и водку, стоило из-за грошей идти на мокруху? Несмотря на дебилность, Валера с Женей наверняка смекали, что в этом случае овчинка выделки не стоит. А у барыги-ювелира за рыжё получишь деньги, которые, как известно, не пахнут, возможно даже в зелёных купюрах. Тогда можно и погулять, свалив побыстрее из Чуркистана куда-нибудь за Урал. Там отсидеться, осмотреться и начать делать дела. И жизнь покатила бы по накатанной колее: «Украл, выпил – в тюрьму. Украл, выпил – в тюрьму. Романтика!»

Так я старался думать, ставя себя на место торпед, пока добирался до Бухары. На подобных Валере дебилов я насмотрелся в неволе, научился понимать ход их мысли и ничего хорошего от разбойников не ждал. Как говорил Джон Сильвер: «Знаю я вашего брата. Налакаетесь рому – и на виселицу». Зачем только Афанасьев связался с этой падалью? Даже если другой охраны не нашлось, могли бы поехать вдвоём. А так... Приходится теперь бить ноги по жаре, прикидывая план действий свой собственный и противника, чтобы успеть пересечься с ним, вернуть золото и отомстить за Петровича.

Афанасьева я нашёл уже после того, как КамАЗ с поделниками скрылся за горизонтом. Петрович лежал на буром от крови песке. По следам вокруг я понял, что его как следует попинали ногами, куражась может быть ещё над живым. Впрочем, смерть пришла быстро: Валера хоть и палил в белый свет, как в копеечку, однако в упор не промахивался. Дебилы здорово его боялись – рубашка Афанасьева была сожжена и разорвана пороховой струёй, и принял он в себя больше десятка пуль.

Я закопал труп, сходяв за лопатой к могильнику. Тащить его в склеп не представлялось возможным по такой жаре, к тому же я не хотел, чтобы его нашли менты и устроили глумливое опознание. Археологу и кладоискателю более пристало быть похороненным в неизвестной могиле.

В нашей палатке дебилы устроили полный разгром, спеша захватить деньги и ценности. Им удалось найти почти всю нашу наличку, но кое-какая мелочь, рассованная по карманам походного снаряжения, уцелела. Сохранились и документы. Кроме того, в записной книжке Петровича оказалась пятидесятидолларовая банкнота – мой пропуск на родину. Появилась надежда кое-как просуществовать в ближайшем будущем. Я собрал в свою зелёную холщовую сумку самое необходимое из одежды, взял записи Афанасьева, немного еды и, дождавшись заката, двинулся пешком в направлении Газли. Чуть в стороне от маршрута я заметил костёр, но приближаться не стал – это были наши рабочие. Я надеялся только, что не повстречаю никого из них на вокзале и не получу в бок отвёрткой перед самым отправлением поезда.

К счастью, путь оказался выбран верно. Часа через два меня нагнал грузовик, который бесплатно подвёз до города. Ночь я провёл на скамеечке, а утром купил билет до Бухары.

Алмазбек Юсупович встретил меня с приторной азиатской вежливостью. Во всяком случае, его тупую, хитрую угодливость я постарался принять за вежливость. Петрович наверняка заметил бы подводные камни, но для меня восточные манеры были полным мраком. Самым уязвимым местом, наверное, являлось отсутствие свиты. «Плохо человеку, когда он один.» Это признак слабости. Если ты авторитет, значит должен быть окружён челядью и ходить только с охраной. Тогда будут уважать, вернее, признавать силу и бояться. Грёбанные дикари! С каждой лишней минутой пребывания в землях варваров я всё больше исполнялся ненавистью к туземцам.

Ненависть. Что ж, тем лучше. Лишь бы не показывать страха. О бремени белого человека Киплинг вовсе не пустые слова говорил. Проникнуться творчеством «певца колониализма» можно было лишь оказавшись в самом сердце Азии без вещей и денег, но с оружием наготове. Жителям крупных российских городов этого не понять. А я приготовился умереть, сохраняя достоинство и честь белого господина. Зря волновался, наверное. Петрович говорил, что узбеки – народ мирный, но у меня совершенно не было опыта общения с ними.

Видя, как меня переклинило, Алмазбек Юсупович повёл себя на удивление любезно. Он даже не стал уточнять, куда запропастился Афанасьев. Женщина в чадре подала нам чай и лепёшки.

– Как здоровье Василия Петровича? – поинтересовался ювелир, усадив меня за стол. За нормальный стол, а не какой-нибудь развёрнутый на полу «достархан». Всё-таки воспитание в советской системе торговли сказалось на нём положительно.

– Василий Петрович остался на раскопе, – я постарался ответить по возможности скупое. – Я ищу Валеру и Женю, наших охранников, Валеру вы должны помнить. Они давно к вам заходили?

– Валера, – расплылся в улыбке директор, – вчера заходил с Женей, да. Это вы их посылали?

Он хитрил. Значит, имел свой интерес. Ну так мы его подогреем.

– Нет, они сами пришли, по своей воле. Они украли кое-что из наших находок. То, что они вам продали – ваше, я не претендую. Я просто хочу найти и наказать воров. Они вам продали перстень, – я достал из кармана браслет Хасана ас-Сабаха. – Желаете дополнить комплект?

Разумеется, Алмазбек Юсупович желал. Он хорошо разбирался в предметах старины. А когда я достал из сумки кинжал в серебряных ножнах, ювелира аж затрясло от жадности.

– Мы можем договориться о цене, – предложил он.

– Всё имеет свою цену, – заметил я. – Эти реликвии продаются за Валеру и Женю. Я хочу получить их сейчас.

Алмазбек Юсупович колебался. Чувствовалось, что ему не хочется выдавать дебилов. Вероятно, на то были причины, но моё предложение перевесило прежние резоны.

– Я бы не стал связываться с ворами, – наконец решился он. Директор понимал, что с «чёрными археологами» лучше иметь тёплые деловые отношения. Женя с Валерой были всего лишь рядовыми бойцами, ничего не значащими в бизнесе. Они могли один раз принести краденные драгоценности и потом исчезнуть. Кроме неприятностей от этого ничего нельзя было ждать, зато сотрудничество с профессиональными кладоискателями несло явную и несомненную выгоду. – Я не знал, что они воры, разве можно такое предположить? Я принял их, как ваших друзей, и поселил у себя, тут недалеко. Они ждут покупателей...

– Когда?

– Сегодня вечером...

– Значит, время есть. Я должен встретиться с ними раньше. Произведу свой расчёт.

Возражений не последовало.

Несмотря на полуденный зной, когда тут, наверное, положено впадать в летаргический ступор наподобие средиземноморской фиесты, мы выбрались из-под крыши, сели в раскалённую «Волгу» и стали петлять по узким улочкам. Остановились в каком-то аппендиксном тупичке. Тут у директора имелась запасная берлога, в которую можно было селить различных гостей и, при случае, отсидеться самому.

Директор толкнул калитку и она отворилась. Калитка была узкой и старой, а забор высоким и глухим. Здесь всё казалось вечным, варварским. Помнившим оккупацию Чингисхана. Пережившим распад монгольской империи, советской империи и готовым пережить до чёрта империй в будущем. На фоне такого несокрушимого покоя глиняных улиц моё посещение казалось полётом мошки, мелькнувшей возле ресниц и даже не вызвавшей моргания. В этом диковинном месте не было ничего знакомого и привычного, словно я попал на другую планету. Я был измотан, но открылось второе дыхание, съедающее резервы организма. Я был подтянут и собран, и готов покарать убийц смертью. Кажется, Алмазбек Юсупович не был против, реликвии стоили забот по уборке трупов. Никто ничего не узнает. Хлопнет за оградой пара

выстрелов – и только. Милиция не заинтересуется. В старом городе не принято вмешиваться в дела соседей. Я обнажил ствол.

Двери были приоткрытыми и это настораживало. «Неужели ушли?» – разочарованно подумал я и в некотором роде не ошибся. Валера с Женей сумели улизнуть от меня, не покидая дома. Покупатели явились не в условленный час, а значительно раньше, возможно, утром. Алмазбек Юсупович вошёл первым, я держался за ним, используя в качестве щита, но директор тут же выскочил из комнаты, тоненько повизгивая, и что-то неразборчиво запричитал. Я же убрал пистолет, потому что надобность в оружии пропала.

Женя с Валерой лежали рядом в большой луже крови. Лица были изрезаны и страшно искажены предсмертной мукой, глаза выколоты. Живот каждого оказался распорот и набит бумажными рублями образца 1961 года – четвертаками, десятками, трёшками. Не иначе как из запасов какого-нибудь бая. Остались невостребованными, а тут нашлось применение. Денег не пожалели, принесли целый мешок, который, опорожненный, валялся в углу. Правда, не совсем порожний – в него сложили внутренности дебилов, очевидно за ненадобностью.

Трупы я обыскивать не стал. Не хотелось пачкаться, да и ясно было, что никакого золота при них нет. За ворованные драгоценности с ними рассчитались сполна, Петрович мог спать спокойно. Есть на Востоке такой обычай – набивать в брюшную полость врага предмет посягательства и выкалывать глаза, осквернившие своим взглядом святыню. Теперь я понял, что о реликвиях хашишинов знает кто-то ещё. Кто-то деятельный и жестокий. Совершенно не уважающий Алмазбека Юсуповича, а значит и местных авторитетов.

Я вышел в дрожащее марево раскалённого солнцем воздуха. Древняя улица бесстрастно взирала на меня. Она видела и не такое.

3

Санкт-Петербург встретил меня неизменной промозглой сыростью и морозящим дождём. Я был дома!

Бухару я покинул в тот же день. Сообразив, что железо надо ковать, пока горячо, приказал директору отвезти меня на вокзал и купить билет до Москвы. Что он и сделал, добыв место в купе-люкс. Не знаю уж, какое влияние следовало для этого употребить, но Алмазбек Юсупович был у себя на родине человеком не последним. И хорошо, что я не задержался – неизвестно, как бы он разделался со мной, окажись у него время успокоиться и подумать. Но тогда с перепугу он трясся и повиновался беспрекословно. Он даже не вспомнил о реликвиях, обещанных в награду за помощь. Да я бы и не отдал, видя его слабость. Восток навязывал свои правила игры, и я их принимал, когда это оказывалось выгодно.

Я без приключений добрался до Москвы, экономно тратя деньги в дороге. Они всё равно разошлись, так что в столице я едва наскрёб на «Красную стрелу». Наконец, в половину девятого питерский дождик оросил мою голову на платформе Московского вокзала. Влага была гадкой, но такой родной! С походной сумкой в руке я шагнул в навстречу тёплому ветру метро, и вскоре подземный поезд утащил своих пассажиров в урбанистический ад.

Ну вот я и дома! Квартира, в которой ещё не успел обжиться, казалась чужой. Я будто приехал в гости. А ещё говорят, что дом там, где сердце. Ну да ладно. Привыкший к разъездам, я воспринимал дом как временное пристанище, где вскоре возникает пресловутая охота к перемене мест, но куда постоянно стремишься вернуться. А без этого, наверное, было бы не выжить.

Первым делом я наполнил ванну и провалялся в ней до полудня, засыпая, просыпаясь и добавляя горячей воды. Мне было не отмыться...

Когда я вылез, на улице кончился дождь. Переодевшись во всё чистое, я навестил заначку, одну из трёх, устроенных в доме, и стал счастливым обладателем пятисот долларов. Пару сотен взял на мелкие расходы, сотку сунул под телефон (подальше положишь – поближе найдёшь), а остаток разложил между страницами «Дара орла» Кастанеды. Читайте и удивляйтесь!

К площади Мужества, где был пункт обмена валюты и магазины, я пошёл дворами. После дождя под деревьями пахло прелыми листьями и землёй. Я вдыхал их запах, вдвойне приятный после дикой и страшной Азии, с её пустыней, раскалённым песком и первобытными, безжалостными убийствами. Запах Родины ассоциировался теперь с мирной жизнью в достатке и благополучии. Ещё бы немного удачи, чтобы пополнить свою казну...

А это что?! Оба-на! Я сдал назад, присмотрелся – в траве действительно что-то блестело. Я наклонился и поднял золотую цепочку с кулончиком в виде цветка. Два зелёных камешка по бокам – листочки, красный посередине – соцветие. Дешёвые мутные изумрудики и не менее дрянной рубин, но всё же лучше, чем ничего. Я опустил цепочку в карман. С детства мне фартит находить потерянные кем-то вещи и деньги. Это везение, отмеченное моими одноклассниками, сыграло важную роль в выборе карьеры кладоискателя.

Хотя, кладоискатель – это никакая не карьера, кладоискатель – это судьба...

Погрузившись в лирическую задумчивость, я добрался до цели. Совершил продажу валюты, получил вождеденные рубли и отправился тратить по ларькам и палаткам. Спустя некоторое время, нагруженный сумками с одеждой и едой, я оставил площадь Мужества и через двадцать минут неспешной ходьбы оказался дома, где смог развести огонь в газовом очаге и наконец-то нормально поесть.

Благодаря походной и холостяцкой жизни, я умею и люблю готовить. В принципе, ещё древние ассирийцы считали, что настоящим поваром может быть только мужчина, а ассии-

рийцы, судя по рецептам на глиняных табличках, знали толк в еде. Того же мнения придерживаются и в современной Европе, где развита утончённая кухня. Лучший повар – мужчина. И это не половая дискриминация, а суровая правда жизни, мой пример тому наглядное подтверждение. Даже на незнакомой сковородке я картошку могу поджарить так, что пальчики оближешь, а это не каждому дано!

С аппетитом позавтракав, я убрал в шкаф новую одежду (пару дежурных джинсов, тройку рубашек и бельё), поставил в сервант бутылку «Мартель Медальон» и лёг спать. На вечер намечалось важное мероприятие – торжественный визит.

Я проспал до семи вечера. К восьми, переодевшись, захватив специально укомплектованный пакет с едой и походную холщовую сумку, покинул квартиру, не забыв вытянуть из-под телефона бумажку с портретом Бени Франклина.

Купюру я поменял в ларьке. Характерно, что курс там оказался выше, чем в обменнике, и никто паспортных данных из меня не тянул. Что ж, впредь будем действовать как можно более нелегально! Я убрал деньги во внутренний карман пиджака и, довольный, быстрым шагом направился к дому. Своему старому, родному дому...

Я позвонил четыре раза, и дверь быстро открыли, в лучших наших традициях не спрашивая «кто там?». Я шагнул через порог.

– Здравствуй, мама!

– Здравствуй, сынок. Загорел ты, как негр.

Мы обнялись, потом мама чуть отошла назад и спросила:

– Ну как, нашёл что-нибудь?

– Нашёл, конечно, – улыбнулся я. – И, похоже, достиг своего акмэ.

– «Акмэ» древние греки называли наивысшую точку достижения в жизни мужчины. Как же твоя Троя?

– По-моему, это и есть Троя, – сказал я. – А может быть акмэ ещё впереди. Посмотрим. И я достал свёрток с кинжалом и браслетом Хасана ас-Сабаха.

* * *

Утро я встретил в своей комнате среди знакомых с детства вещей и книг. На улице капал дождик, и так приятно было сознавать, что ты никому ничем не обязан, ничего не должен, и не надо вставать и куда-то идти, словно заведённый механизм, и не надо делать ничего против своей воли.

Не надо ни на кого вкалывать, кроме себя самого.

В этом прелесть работы «чёрного археолога».

Я повалялся в теплой постели, слушая, как тикают часы на книжной полке. Было тихо, вокруг все знакомо, а наволочка на подушке не отсыревшая и не жесткая от крахмала. И от этого стало тепло. Я был дома! Потом я подумал, что купил квартиру, дабы чувствовать себя свободным и не так расстраивать внезапными отъездами маму. Затем мысли переключились на кинжал ас-Сабаха, я вспомнил степь, мертвого Петровича, Валеру с Женей, и настроение испортилось окончательно.

Моя беда в том, что я много думаю. Когда надо и когда не надо. На это часто намекала бывшая жена – Марина, все друзья и даже Петрович. А Слава-афганец напрямую говорил, что слишком умный и слишком глупый – братья, добавляя, что свои мозги перед армией он оставил дома. Я ему охотно верил, так как забрать обратно их он явно забыл. Мы скентовались в зоне. Слава тянул восемь лет за убийство, впрочем, он и сейчас досиживает. Дурная голова ногам покоя не дает. Склонность к простым и радикальным решениям довела отставного майора ВДВ до цугундера.

Интересно, что меня, умного и осторожного, что-то тоже привело в те края. И Афанасьева, не менее осторожного и куда более расчётливого и опытного, чем я, тоже. Как всё-таки жаль Петровича! Без него продать браслет и кинжал ас-Сабаха будет проблематично. Своими силами реализовывать такую серьёзную находку дело очень опасное и тягостное.

Я лениво потянулся и сладко, во весь рот, зевнул. А ну их всех! Надо радоваться жизни. Не буду я сегодня думать о браслетах, буду расслабляться. Спокойно, в одиночку, без баб. Интеллектуальный отдых интеллигентного человека. Я люблю посидеть за книгами, а теперь мне, похоже, было что почитать.

Я вернулся на новую квартиру во второй половине дня. За маму я был спокоен; небольшая прибавка к пенсии в размере ста долларов ей не повредит, этот месяц она проживет в относительном достатке. А там уж... Что будет там, я пока не знал, но был уверен в благополучном исходе южной кампании.

После обеда я сел изучать рукописные материалы, привезенные из экспедиции. Полевой дневник и тетрадь Афанасьева, в которой он, как я и предполагал, начинал новую монографию о саманидах, послужили объектом моего пристального внимания на протяжении пары часов. Я без труда читал мелкий, но разборчивый почерк Афанасьева и почерпнул немало для себя интересного. Монографию он составлял на основе результатов последних раскопок, частенько сверяясь с полевым дневником. Любопытно, что в записях он упоминал меня весьма корректно, без имени, как ассистента или, попросту, «А». Наверное, не хотел случайно предать, если дневник вдруг попадёт в правоохранительные органы. Интересный человек был Петрович. Что сообщить его жене, я пока не знал. Но говорить все же что-то придется. Обеспокоенная чрезмерно затянувшимся отсутствием мужа, она начнет звонить мне и рано или поздно дозвонится. Что я могу ей сказать? Что Афанасьев Василий Петрович погиб от рук психопатов в пустыне Чуркистана, а его могилу вряд ли отыщу даже я сам, хотя собственноручно закапывал? Возникнет неизбежный вопрос: а почему закапывал именно я и откуда у меня так много денег, когда бедная вдова не имеет ничего? Дурацкая история, но и глупо констатировать этот факт, нарываясь на разборки (а в том, что у вдовы Афанасьева остались хорошие связи, сомнений не было). Что бы такое изобразить?

Размышляя над этим, я стал перелистывать дневник и на последней записи наткнулся на серию зарисовок, изображавших наши находки, и длинный поясняющий текст. И когда он все это успел? Петрович великолепно рисовал, иллюстрации к своим книгам он делал сам, и у меня на секунду сжалось сердце при мысли, какой человек умер из-за каких-то, пусть даже золотых, побрякушек. Все-таки надо в ближайшие дни навестить Марию Анатольевну и рассказать, как все было. Возможно, она поспособствует реализации, познакомит с нужными людьми.

Развязка, при которой и волки будут сыты, и овцы целы и даже накормлены, меня несколько взбодрила. Я начал вчитываться в дневник, чувствуя, как волосы на голове встают дыбом.

«В шкатулке обнаружены следующие предметы: перстень золотой с гравировкой на внутренней стороне „шейх аль-джабаль“, с изумрудом в оправе, весом приблизительно 8 карат; браслет наручный золотой с гравировкой „шейх аль-джабаль“, имеющий в оправе 13 красных камней, возможно, рубинов весом приблизительно 1–1,5 карата каждый; кинжал с серебряной рукоятью, инкрустированной золотой нитью, в серебряных ножнах с орнаментом, отн. предп. к XI в. Лезвие кинжала выполнено из булатной стали, имеет гравировку „джихад“, выявленную при кратковременном осмотре. Перстень, браслет и кинжал испускают, по-видимому, некое негативное излучение, воздействие которого существенно усиливается при извлечении кинжала из ножен, чем и объясняется непродолжительность его осмотра. Полагаю, что серебряные ножны служат защитным экраном для активной части

кинжала, а шкатулка является аналогичным приспособлением для всех предметов в целом. На основе текста гравировки могу предположить, что предметы действительно являлись личными вещами Хасана ас-Сабаха и были захоронены противниками секты исмаилитов для предотвращения усиления влияния секты в случае появления нового лидера, если он окажется обладателем символов власти.

ПРИМЕЧАНИЕ: отрицательное воздействие излучения, исходящего от обнаженного клинка кинжала, отмечено ассистентом, у которого в тот момент существенно увеличился диаметр зрачка, а на лице выступили крупные капли пота».

Это была последняя запись Афанасьева. Видимо, он прервался и занялся чисткой нагрудника, потом пришел Валера, а потом Петровича убили. И все же он основательно зацепил меня. Тут уж речь шла о профессиональном самолюбии, и я готов был бороться за достоверность своей гипотезы. Я полагал, что вещи были спасены из рук недругов одним из уцелевших членов секты, причем не рядовым фидайном, а кем-то покрупнее, кому на склоне лет не удалось найти верных сторонников, могущих стать хранителями исмаилитских реликвий. И ему ничего не оставалось, как завещать похоронить предметы вместе с собой, чтобы они не попали к противникам секты и не были уничтожены. Но Петрович считал по-другому, и возможности поспорить с ним у меня уже не было. Он даже доказательств своей теории не привел. Просто сказал – и все. А ты сиди читай и утирайся. Афанасьев – он же звезда, авторитет, широко известный в узких кругах, а ты просто выпускник истфака, кладоискатель и по сравнению с Петровичем – профан. Что вообще можно доказать в стране, где степень компетентности определяется количеством публикаций!

Тут я одернул себя. Что толку распускаться, пользы от этого никакой, только нервы истреплешь. Петровичу ничего не докажешь, да и нужно ли? Я отложил дневник и достал из серванта коньячный бокал. Глупости это и дурацкие предрассудки, что нельзя пить одному. Регулярно – да, но регулярно хлестать вообще не рекомендуется. А так вот, раз в три месяца распить бутылочку хорошего коньяка, дабы расслабиться и предаться философским размышлениям, – почему бы и нет? А один я или в компании, это совсем не важно. С моей тягой к спиртному спиться мне не грозит.

Я откупорил бутылку и налил себе на два пальца светлой янтарной жидкости. Затем согрел бокал в ладони и стал обонять. Аромат был достоин коньяка класса V.S.O.P. Я еще немного подождал и попробовал. Превосходный напиток. Я люблю французские коньяки за их свойство стимулировать мыслительный процесс. Водка отупляет голову и делает агрессивным, а коньяк, наоборот, дарит чуточку эйфории и настраивает на философский лад, что мне от него, по большому счету, и надо.

От дневниковой записи мысли, понукаемые «Мартеlem», перекинулись на личность Петровича и я вспомнил давний наш разговор об энергиях и предметах старины.

...Дело было в Металлострое. Я недавно заехал на зону и только что был принят в «семейку» Петровича. Мы тусовались в отряде, не работали и со скуки беседовали на самые странные темы.

– Я могу отличить настоящую вещь от новодела просто взяв её в руки, – Афанасьев затаился «беломориной».

Его худощавое, в жёстких морщинах лицо и короткий седой ёжик волос в ту пору ещё заставляли меня сомневаться в научном звании собеседника. Кто же мог подумать, что к сорока семи годам прошедший полжизни на раскопках доктор исторических наук будет похож на зэка с лесоповала?

– Это как же? – спросил я.

– По исходящим от неё вибрациям, – просто ответил Афанасьев. – Смотришь на вещь, трогаешь её и понимаешь, насколько она заслуженная. Была у неё судьба или нет. У новодела нет за спиной долгой жизни. А, значит, от него излучение другое исходит.

– Когда-нибудь и современный новодел станет антиком, – вставил я.

– Когда станет, тогда много веков пройдёт, он проживёт долгий срок, поучаствует в своём событийном ряду, и это на нём скажется. На его ауре.

Как завзятый материалист, я в ауру не верил и о столь тонких материях судить не был готов. Я заговорил о патинировании, о мелких повреждениях, но Петрович стоял на своём. Он считал, что химический и физические изменения тоже имеют место, но существуют также энергетические. Которые он был способен ощущать при близком контакте с исследуемым предметом...

Тогда я так и не поверил Петровичу. Только увидев обнажённый кинжал ас-Сабаха, на своей шкуре ощутил злую силу, которую Афанасьев назвал негативным излучением. Оно действительно существовало. А, значит, у исмаилитских реликвий имелаась судьба. Была долгая, заслуженная великими деяниями прошлых владельцев, жизнь.

Наверное, Петрович прав. Вещи тоже обладают памятью. Они несут на себе отпечаток своих создателей и хозяев, и могут поделиться воспоминаниями с тем, кто готов их услышать.

Я выпил один бокал, налил другой и прошелся по комнате, любовно обзвывая стеллажи с книгами.

Это моя вторая библиотека. Рафинированная, академическая, строгая. Жюль Верн и Луи Буссенар стали неинтересны. Когда какой-то автор становится неинтересен – это признак взросления. Скажи мне, что ты читаешь, и я скажу, кто ты. Домашнюю библиотеку тоже можно назвать самоценной вещью. Не знаю как насчёт ауры, а вот подбор книг говорит о многом. Ну, в данном случае все ясно: коммерческий археолог, разведен, детей нет. На стеллажах еще оставалось много пустых полок. Я улыбнулся и нежно провел пальцами по корешкам. Борхардт, Дэвис, Струве, Морган, Матье. Золотой саркофаг Тутанхамона. Я люблю тебя, жизнь, какая бы ты ни была! Впрочем, жаловаться, по большому счету, не на что. Я нашел свое место, цель избрал еще в раннем детстве, теперь только идти да идти. И я иду. Трою, конечно, не откопаю, но... На библиотеку Ивана Грозного и без меня охотников хватает, также как на Янтарную комнату, казну Колчака и прочие полумифические сокровища, которые ищут уже полвека и не находят. Тут все поделено на сферы влияния, и человеку со стороны делать нечего. Вместо легендарного ЭПРОНа⁴ создано акционерное общество «Золотой галеон», специально предназначенное для поиска ценностей на затонувших судах. Но подводная археология – это совсем иная отрасль, со своей спецификой работы в чуждой человеку среде. В моём родном городе энтузиасты лопаты сбились в «Историко-изыскательское общество Петербурга по направлению кладоискательства». К ним я не совался из принципа. Люблю работать один. Охоту к сотрудничеству с малознакомыми людьми навсегда отбил предатель Есиков. Афанасьев стал исключением – со своим семейником я просидел достаточно долго, чтобы отправиться с ним в экспедицию.

Так что рыться мне и рыться в безвестных могильниках, ведь нарыл же я сокровища ас-Сабаха. Кабы только не на свою голову. Эх, Петрович! Таких специалистов единицы. Где другого найдёшь? А какое чутьё! Всего-то раз и поработали вместе, а результат я уже записал как свой рекорд.

Марию Анатольевну забывать, конечно, нельзя. Мне бы ее связи! Но светить раритеты перед незнакомыми людьми я, пожалуй, не буду. А вот перед знакомыми вполне можно. Заодно имидж удачливого кладоискателя укреплю. А Афанасьевой подкину тысячу десять зеленых, это все ж лучше, чем делить выручку пополам в случае нашего сотрудничества. Связи связями,

⁴ «Экспедиция подводных работ особого назначения», образована в 1923 году для подъёма военных и торговых кораблей.

но, когда речь идет о сотнях тысяч долларов (в иных цифрах я свою находку уже не оценивал), потенциальными связями можно и пренебречь.

Я наполнил опустевший бокал и набрал номер старого приятеля – одноклассника Гоши Маркова. В школе мы как-то не очень дружили, но потом, когда я вплотную занялся коммерческими раскопками, сошлись и даже какое-то время вместе ходили в секцию каратэ. Гоша был хорошим реализатором, его отец имел много знакомых в среде коллекционеров, а страсть к антиквариату у них фамильная. Я добывал, Гоша перепродавал, так мы и жили. Кое-что он иногда брал для себя, как правило, монеты, но в основном грелся на посредничестве. И грелся, по всей видимости, неплохо. Будем надеяться, к сегодняшнему дню он дорос до торговли солидным товаром.

Гоша взял трубку сам:

– У телефона.

– Привет паразиту общества от деклассированного элемента.

– А, это ты, – Гоша узнал и обрадовался. Он всегда радовался, когда я звонил. – Как съездил?

– Не без результата. Это и хотелось бы обсудить.

– Ты зайдешь или мне подъехать?

– Лучше подъехать. Кстати, у меня едва початая бутылка «Мартеля Медальон»...

– Ты в своём стиле.

– ...Так что по дороге шоколадку купи.

– О'кей, еду.

Гоша появился через двадцать минут. Как всегда, в новом, с иголки, костюме. И был бы он похож на салонного француза, если б не характерная, по типу самурайской, прическа в виде закрученного пучка волос на затылке. В свое время папа Марков отдал сына в престижную по застойным годам и еще не подпольную секцию каратэ, где Гоша проявил талант в гибкости и скорости движений, а попутно получил прозвище Самурай.

– Привет.

– Ну, привет, привет. – Я закрыл за ним дверь. – Тапочки надевай. Проходи.

– Видел мою новую птичку?

– Которую, белую «девятку»? – Машины были у Гоши второй страстью после антиквариата.

– У тебя под окном стоит, взгляни.

Я посмотрел в окно. Внизу, точно под ним, был припаркован новенький коричневый, похожий на машину из будущего, «Понтиак-транспорт».

– Ого, да ты крутеешь!

– Не без того, растем-с, – самодовольно промурлыкал Гоша.

– Обрати внимание на мой колониальный загар! – надо было и мне чем-то похвастаться.

– Хорош, достоин белого господина, – признал Гоша.

Я достал из серванта второй бокал и налил «Мартеля». Марков с трудом разломал на дольки «Марабу». Хороший горький шоколад, отлично идет под коньяк, хотя и очень твердый – с непривычки неудобен для употребления. Мы посидели, болтая на отвлеченные темы. Гоша вспомнил, кого встречал из наших общих знакомых, я рассказал пару приколов из поездки по Средней Азии и, как логическое продолжение, извлек браслет и кинжал. Гоша загорелся. Он долго крутил браслет, изучая со всех сторон, потом поинтересовался, что означает надпись.

– Шейх аль-джабаль – Старец Горы, – авторитетно произнес я. – Есть мнение из компетентного источника, что эта штукавина принадлежала Хасану ас-Сабаху, так что она имеет еще и историческую ценность. Слышал о таком?

– Кое-что доводилось, – задумчиво произнес Гоша. – Я слышал, что все это нашли, но там должен быть еще и перстень.

У меня приоткрылся рот. В узком кругу коллекционеров слухи расходятся быстро, но не настолько же. Я сам только что приехал. Воистину, «слава мчалась впереди него».

– С перстнем неувязочка получилась, – неопределенно пояснил я, – но это оригиналы. Вот, гравировочку «джихад» на лезвии можешь посмотреть.

Гоша отложил браслет и вытащил лезвие. У меня по спине ощутимо пробежал холодок. Маркова, видимо, тоже что-то смутило, он убрал кинжал в ножны. Как там у Петровича? «Существенно увеличивается диаметр зрачка, и на лице выступают крупные капли пота»? Любопытно, но все коньячное умиротворение как ветром сдуло. Я снова был трезв и даже напряжен. Чтобы расслабиться, я поспешил снова наполнить бокалы.

– Полагаю, что можно найти клиентов, – вынес свое резюме Гоша. Судя по тону, покупатель будут оповещены в кратчайший срок, возможно даже сегодня. Марков клянул, теперь оставалось не прогадать в цене. – Сколько ты за это хочешь?

Вопрос был задан ненавязчиво и чрезвычайно корректно, но внезапно – словом, в обычной Гошиной манере. И я был к нему готов.

– Сто тысяч долларов.

– Это просто невероятная сумма.

В уме я держал три суммы, готовясь выдать наиболее приемлемую, в зависимости от развития торга. Я четко представлял, что Гоша Марков, несмотря на молодость лет, спец в своем деле, что он отдает себе отчет в подлинности предметов и что он о них действительно слышал. Да и клиента он наметил. Теперь оставалось зафиксировать «ножницы» – разницу между моей ценой и зарядкой для покупателя, что и станет его заработком со сделки. Самурай вкалывал вовсю, и новенький «пontiак» был наглядным доказательством его успеха.

– За такие вещи вполне нормальная, – отчеканил я. – Как ты понимаешь, здесь важна историческая ценность.

– Не смеши меня, – сказал Гоша. – Эти старые мульки не стоят и пяти.

– Если бы был полный комплект, вместе с перстнем, я бы оценил его в двести тысяч.

– Их у тебя никто не купит.

– А сколько ты предложишь? Просто так скажи, ради интереса.

– Семь тысяч.

– Семь тысяч за личные вещи Хасана ас-Сабаха?! – я задохнулся от праведного негодования.

– А ты хотел бы десять?

– Я хотел бы восемьдесят!

– Ха-ха. Пятнадцать.

– Семьдесят.

– За семьдесят ты можешь оставить их себе.

– Тогда я их лучше отнесу в мечеть и посмотрю, сколько там предложат.

– Хорошо, двадцать.

– Какие «двадцать»? Шестьдесят!

– Они не стоят шестьдесят тысяч долларов. Я настоящий кинжал «Фэйрбейрн-сайкс» в Германии на распродаже купил за десять евро! Подлинник Второй Мировой, в родных ножнах из кожи!

– Ну и чё теперь?

– Пусть этот слегка подороже будет. В комплекте с браслетом – двадцать пять тысяч.

– Разуй глаза, это же реликвии!

– Учтём золото и сомнительные камни... Ну, тридцать.

– Не юродствуй, Гоша. Это тебе не к лицу. Пусть будет пятьдесят. Пятьдесят для ровного счёта. Это моя окончательная цена.

– Жаль. Я думал, ты согласишься на тридцать пять.

– Только во имя нашего давнего знакомства и партнёрства – сорок пять.
– Жаль, я думал, мы сойдёмся во взглядах. Можешь идти в мечеть.
– И пойду. Сорок, заебал!
– Хорошо, – с неожиданной легкостью уступил Гоша. Мы встали и подняли недопитый коньяк:
– За сделку века!
Очень не люблю торговаться с друзьями. Но у Маркова без этого никак.

* * *

С утра, несмотря на возлияние, я проснулся со свежей головой. Французский коньяк хорош еще тем, что после него не бывает похмелья. Погода стояла преотличная – видимо, небесная канцелярия соизволила дать жителям передышку.

Есть не хотелось. Я надумал совершить перед завтраком прогулку до обменника, которая поможет нагулять аппетит, а скорее, мне просто хотелось выбраться на солнце, ибо осадки успели надоесть.

Я вытянул из книги двести долларов, накинул куртку и, не дожидаясь лифта, быстро спустился по лестнице. На улице в самом деле было чудесно! Резвым аллюром я промчался вдоль дома и, влетая под арку, сбил плечом какую-то барышню. Послышался сдавленный крик, зазвенела жёсть, и по асфальту растеклась белая лужа молока. Я остановился, мысленно обложив себя последними словами. Какого черта было лететь?! Испортил кому-то настроение, а теперь мне испортят. Какая-то рублевая мелочь, впрочем, у меня оставалась, и я мог возместить ущерб. Приготовив самые изысканные извинения, я наконец оторвал взгляд от лужи, поднял бидон и только тут заметил, что пострадавшая – молодая женщина, почти девчонка – лет двадцати, не более, и понял, что особых проблем с объяснениями не будет.

– Великодушно прошу простить меня, – начал я загруз с достаточно провокационной фразы, – видит Бог, я не хотел! – Я прижал руки с бидоном к груди и сотворил самую умильную улыбку. – Исключительно виноват. Я не сильно вас ушиб?

Не давая ей раскрыть рта, я продолжил:

– Простите меня еще раз. Если вы не очень торопитесь, мы пойдем в магазин и купим другое молоко. Обещаю компенсировать все доставленные неудобства. Кстати, как вас зовут?

– Ира, – ответила девушка, невозмутимо выслушав мою тираду. Похоже, она была готова идти в магазин и не собиралась затевать скандал.

– А меня – Илья, – представился я. – Так пойдемте?

У бочки с разливным молоком была очередь.

– Постарайтесь теперь побыстрее, – сказала девушка, – у меня ребенок дома.

Она только что отстояла такую вот очередь, и, естественно, ей не хотелось париться по новой.

– Дама, ребенок дома голодный благим матом орет, пропустите, пожалуйста, – тыркнулся я к продавщице, но меня осадили.

– Займите очередь, – отрезала женщина, нервно звякнув своим бидончиком.

– Все мы торопимся, – возмутился стоящий за нею дед. – Я вообще ветеран, мне без очереди положено, а вот стою.

Этот спуску не даст, понял я, будет удерживать позиции до последнего вздоха.

И тут я заметил парнишку примерно моих лет, снулое лицо которого свидетельствовало о тяжком бремени семейной жизни. Он стоял за геройским фронтовиком и с отсутствующим видом прислушивался к нашему спору. Ему было абсолютно на все плевать.

– Выручи, братишка. – Я протянул ему бидон. – Совсем времени нет!

– Угу, – кивнул парень, – вставай впереди меня.

– Спасибо, брат, – не обращая внимания на ропот сзади, я пролез перед потеснившимся пацаном и вскоре стал обладателем трех литров заветного молока.

Ира ждала меня поодаль.

– Все в порядке, – с облегчением похвастался я. Мы направились в сторону дома. – Еще раз простите.

– Вы куда-то спешили? – поинтересовалась девушка.

– Нет, что вы. Просто обрадовался хорошей погоде и выскочил погулять. Я вас не очень задержал? Дитя, наверное, есть хочет. Кто у вас, девочка или мальчик?

– Девочка, – ответила Ира.

Справа по курсу показался ларек. Я остановился и вынул купюры.

– Одну минуточку, – сказал я. Ира послушно остановилась.

При моем приближении окошечко ларька приоткрылось. Очевидно, мой вид говорил о высокой платежеспособности.

– Баксы почем берешь? – спросил я продавца. Тот с готовностью вскочил со стула.

Я купил большую плитку «Фазера» с орехами, изюмом и прочей дребеденью, которую и вручил Ире.

– Это маленькая компенсация за причиненные неудобства.

– Спасибо, – улыбнулась она. – Вот уж не знаешь, где найдешь, где потеряешь.

– Ах, какие пустяки, право слово!

– Я вас не задерживаю?

– Нет, что вы, я свободен как птица и сам себе хозяин.

– Счастливый человек! – произнесла Ира с завистью.

Я снисходительно улыбнулся.

– По-моему, каждый сам выбирает, кем ему быть в жизни. Достичь можно всего, стоит только захотеть, – банально, конечно, но умничать с барышнями не рекомендуется – не оценят.

– Как у вас все легко, – скептически усмехнулась Ира. – Вы работаете?

– Только сам на себя. Коэффициент полезного действия в этом случае оказывается гораздо выше.

– Бизнесмен?

– Боюсь, что я далек от коммерции. Скорее, научный работник: история, археология...

– А я думала, учёные бедно живут, – судя по виду, Ира к категории граждан с высоким достатком не относилась.

– Это смотря как уметь продавать свои мозги, – с подкупающей простотой ответил я. – В мире все относительно. А знания, кстати, дорого стоят.

– Вот мы и пришли, – она остановилась. Мой ответ ей явно понравился, тем более, терять время было нельзя.

– Моя парадная через одну, – известил я. – Вы давно здесь живете? Почему я вас раньше не видел?

– Два месяца, – ответила Ира и потянулась, чтобы забрать бидончик.

– А что вы делаете сегодня вечером? – спросил я, дождавшись, когда ее рука ляжет рядом с моей.

– Сажу с ребенком.

«Наверняка не замужем, – подумал я. – Уточним.»

– А что вы хотели предложить? – спросила Ира, сбив ход моей мысли.

– Мы живем рядом, – начал я, на ходу перестраивая уже продуманный алгоритм разговора. – Могли бы и прогуляться вместе. У вас никто не будет возражать?

– Нет, – ответила Ира, – никто. С удовольствием с вами погуляю.

– Тогда звоните. – Я наконец-то отдал ей бидон и вытащил записную книжку с отрывными листочками. – Вот мой телефон.

– Запишите мой, – сказала Ира.

4

Все оказалось гораздо проще и обыденнее, чем я ожидал.

Ира с полуторагодовалой дочкой жила у своей матери, не очень рассчитывая на поддержку молодого папаши. Как прав был Эрик Берн, утверждая, что родители бессознательно стремятся передать ребенку свой жизненный сценарий и весьма в этом преуспевают. Мать, уже имея аналогичный опыт, отлично все понимала и согласилась посидеть с девочкой: должна же быть у Иры личная жизнь. Мой старательно приготовленный ужин не пропал даром. Открыв утром глаза и обнаружив рядом тихо посапывающую даму, я даже слегка разочаровался. «O tempora, o mores!»⁵ Возможно, я отстал от жизни, но на моей памяти, когда я учился в университете, девушки были другими.

Я осторожно выбрался из-под одеяла, чтобы не разбудить спящую красавицу, и проследовал на кухню. Не испить ли нам кофею! Надо полагать, дама тоже не откажется. Я приготовил две порции, поместил чашечки на поднос, дополнил сахарницей и вернулся в спальню. Красавица уже пробудилась и изумленно хлопала глазами. Кофе в постель не угодно ли? К такому обращению она не привыкла. Доброе утро, мадемуазель!

– Ты просто прелесть, – восхищенно произнесла она.

Для счастья женщине нужно, как правило, немного.

* * *

Весь день я провел в изумительном безделье, а вечером мне позвонил Гоша.

– Сегодня ночью прилетают покупатели, – сообщил он. – Завтра с утра они хотели бы встретиться.

– Где? – поинтересовался я.

– В гостинице. Я за тобой заеду часам к восьми.

– Идет.

Я был дьявольски доволен. Народ действительно заинтересовался. В возбуждении я извлек из тайника предметы и разложил на столе, любуясь ими. Вот оно, по-настоящему прибыльное дело. Грубо отшлифованные рубины тускло блестели в лучах настольной лампы. Золото. Сорок тысяч долларов. Я богат! Мне наконец-то улыбнулось счастье, и я могу уверенно заглядывать в будущее. Никаких излишеств. К черту глупое гусарство! Поступлю в аспирантуру, буду издавать монографии, заниматься раскопками, для души в основном, защищу диссертацию, сделаю в научных кругах имя... И тут я вдруг понял, что та находка, которая действительно могла бы принести мне славу, завтра навсегда от меня уйдет, а вместе с этим и права на нее.

Но надо же чем-то жертвовать! Я был в состоянии эйфории, и мой оптимизм ничто не могло сломить. Вот оно – счастье. А слава... Жаль, конечно, такие случаи бывают крайне редко, но бизнес есть бизнес. Ради дела придется пожертвовать славой, чтобы обрести светлое будущее. Надо. Надо!

Я вскочил с кресла и заходил по комнате. Клиенты, судя по всему, согласны платить – это прекрасно. Встреча в гостинице – тоже неплохо. По крайней мере, меньше шансов, что меня пришьют. На всякий случай возьму с собой ТТ. Хотя завтра, скорее всего, будет просто оценка. Если вещи и захотят экспроприировать, сделают это дома или по дороге ко мне домой.

Нет, Маркову я, конечно, верил, но деньги есть деньги. Убивают и за меньшие суммы. Вполне вероятно, что мне даже заплатят, но доллары еще надо как-то сохранить. Хотя... Чтобы

⁵ О времена, о нравы! (лат.)

Гоша Марков привел бандитов? Маловероятно, все-таки – солидные люди. Если вещь того стоит – мне за нее заплатят.

Но меры предосторожности мы примем.

Я достал пистолет и начал тщательно его чистить. Не подведи! Спать все равно не хотелось, и я провозился до трех ночи.

Гоша появился ровно в восемь ноль-ноль. Я был уже готов и собран. Осталось обуться и повесить на плечо походную сумку. Мы спустились вниз, погрузились в «Понтиак» и покатали на встречу.

Покупатели жили в гостинице «Санкт-Петербург». Гоша вежливо постучал в номер, и нам сразу открыли.

– Знакомьтесь, господа, – деловито произнес Самурай традиционную формулу. – Потехин Илья Игоревич.

Я кивнул. Господа были как на подбор. Высокие, светловолосые, с четко очерченными лицами. Настоящие арийские бестии, только вместо двубортных костюмов им больше бы к лицу были латы.

– Эрих фон Ризер, – продолжил Гоша, представляя их мне, – Рудольф Шрайдер, Арнольд Готц.

– Очень приятно, – произнес Эрих фон Ризер, по-видимому, старший. Только его фамилия была дворянской. – Вы имеете товар с собой?

– Да, – я с готовностью снял сумку с плеча. Мы прошли в гостиную и сели вокруг стола.

Немцы – на угловой диван, мы с Гошей – в кресла. Я достал пакет, развернул и выложил его содержимое. Тот, что назвался Арнольдом, встал и вынес из соседней комнаты толстенький кейс. В кейсе оказалось что-то типа полевой лаборатории. Работали с нами явно профессионалы. Фон Ризер бережно, с некоторой опаской даже, взялся за рукоятку кинжала и вытянул его из ножен.

Лица немцев застыли. На клинке горело слово «джихад». Гоша тоже заерзал в кресле. Немцы с деловой заинтересованностью разглядывали нож. Рудольф Шрайдер произнес несколько слов по-немецки.

– Это оно, – кивнул нам фон Ризер, выпрямляясь и пряча клинок. – Вы утверждаете, что это предметы Хасан ас-Сабаха, мы вам верим. Вы хотите сорок тысяч. Долларов. Да, мы согласны, но мы просим вас подождать. Деньги еще в Гамбурге, они должны прийти в Санкт-Петербург. Вы, конечно, ждать?

– Если только не появятся другие предложения, – мягко улыбнулся я, непринужденно откидываясь в кресле. Заявление произвело неожиданный эффект: Гольц побледнел, а фон Ризер, метнув испепеляющий взгляд в сторону Маркова, спросил:

– Вам делали другие предложения?

– Все может быть, – пошутил я.

– Когда?

Голос фон Ризера стал жестким. Слово вылетело как удар. Он подался вперед, изучающий взгляд впился в мое лицо. Я уже сожалел о своей глупой браваде и попытался отыграть назад:

– Ну... пока не было, но все может случиться.

– Если были, то от кого? – мягко вставил Гоша. – Ты действительно ходил в мечеть? Скажи, это важно.

– Да не было ничего, – отмахнулся я. – Что вы, в самом деле?

– Не было? – переспросил фон Ризер.

– Нет. Ничего не было.

– Тогда вы подождете немного дней, мы платим и забираем эти вещи.

– Идет, – ответил я.

– Только смотрите, – предостерег фон Ризер, – никому не продавайте, а если кто появится, вы звоните господину Маркову.

– Конечно, – быстро согласился я.

Ребята были какие-то отмороженные, шуток не понимали. Как будто были при исполнении. Конкуренции боятся, не иначе. Коллекционирование – хобби дорогое, а мои вещицы стоят немало, вот и боятся прибыль потерять.

– Разумеется, – заверил я. – Можно считать, что мы договорились.

– Можно считать, – впервые улыбнулся фон Ризер и протянул мне руку. Я нехотя пожал ее. После наезда я стал относиться к нему с опаской.

Я забрал свои раритеты, и мы вышли из гостиницы – немцы решили нас проводить.

Я так и не понял, когда все началось. Шрайдер вдруг развернулся, выбрасывая ногу в сокрушительном круговом ударе. Эрих фон Ризер начал заваливаться вперед, прямо на капот припаркованного рядом с Гошиным «Понтиаком» голубого «Фольксвагена-пассата». Вокруг нас появились какие-то люди. Из шеи фон Ризера торчал нож. Человек пять или шесть арабов возникли словно из-под земли. Шрайдер сбил одного, еще двумя занялся Арнольд. Гоша трясушей рукой распахнул дверцу «понтиака».

– Садись! – крикнул он.

Я не заставил себя ждать, а Марков с оглушительным «Йаа-а!» рванул в гущу боя. Навстречу ему бежал «черный», целя в грудь длинным ножом. Гоша в последний момент уклонился и ударил со всего маху по голени. Это был именно удар, а не подсечка. Противник повалился на землю, и даже я из машины услышал, как хрустнула кость.

Немцы бились спиной к спине, но Шрайдер вдруг осел, и тут же выскочивший араб дважды ткнул Арнольда ножом. Быстрые, отработанные удары. Я выхватил ТТ, но счел нужным обождать, не вмешиваться без повода в чужую разборку. Арабы к человеку с пистолетом не полезли. Гоша уже мчался назад.

– Мы попали! – проорал он.

«Понтиак» рванул с прогазовкой, бортом сбив прыгнувшего араба. Мы выехали на набережную и погнались, насколько позволял транспортный поток.

– Что тут происходит? – спросил я, убирая ТТ. – Конкурирующая фирма?

Гоша смерил меня презрительным взглядом и снова уткнулся в зеркало заднего вида.

– Догоняют, – прошептал он.

Я оглянулся. Голубой «Фольксваген-пассат», запримеченный еще на гостиничной стоянке, упрямо тянулся за нами в потоке машин.

– Что творится, Гоша?

– Заткнись, – нервно бросил Марков. – Мы можем не выбраться.

– Блин, да что происходит?! – Мы свернули на Пискаревский проспект и понеслись по трамвайным путям.

– Расскажу, если живы останемся, – обнадежил Самурай. Я еще ни разу не видел его таким: покрасневший, встрепанный. – Добрались до нас... Береги эти штуки, особенно кинжал.

– Это из-за них?

– Да. – Он бросил машину в боковую улицу. «Фольксваген» прочно сидел у нас на хвосте. Мы завернули к ангарам. Марков тормознул у входа.

– Давай туда, только будь осторожен, прошу тебя. И держись от хашишинов подальше.

– От кого? – поразился я.

– Поторопись!

С заднего сиденья Гоша достал длинный сверток. Не сверток даже, а чехол из кожи. Он развязал тесемки и приспустил, обнажая рукоять меча. В конце проулка показался «пассат».

– Пошли.

Мы закрыли машину. Меч Гоша приладил за поясом, рукоятью вниз. Ножны задирали левую сторону плаща, и в таком виде г-н Марков был похож на отставного подпоручика. Мы вбежали в раскрытые ворота ангара, бывшего некогда складом, но теперь грузы вывезли, большую часть стеллажей разобрали, и они валялись штабелями вдоль стен.

– А вот и хашишины.

Арабов было четверо. Двое отсекали выход, остальные приближались к нам с самым решительным видом, держа в руках обнаженные сабли. Самые настоящие арабы, явно Иран или Ливия. Дикость какая-то! Я вытащил пистолет.

– Давай я их грохну.

– Нет, – отрезал Гоша. – Не свети свой пистолет, я сам управлюсь.

Сам, так сам, хотя в это не очень верилось. Да и не мог я бросить друга одного против четверки вооруженных противников. Но Самурай не дал встрять.

– Отойди, – произнес Гоша. Лицо его приняло отрешенное выражение.

Я повиновался, отступив спиной к штабелям. Хашишины остановились. Гоша ждал. Наконец один из них бросился в атаку.

До последней секунды Гоша не вынимал меч. Я уже начал представлять головокружительное сальто в духе Хон Гиль Дона – единственное, что, на мой взгляд, могло спасти ему жизнь, но все произошло значительно быстрее. Марков спокойно стоял, наблюдая приближение азиата, который несясь как паровоз, и лишь когда последовал замах, чтобы раскроить «неверного» на кусочки, Гоша сделал движение.

Я уловил лишь вспышку лезвия отполированной до зеркальной чистоты катаны. Сабля вылетела из рук араба, а голова слетела с плеч, выстрелив вверх фонтаном крови. Гоша отступил, чтобы не запачкаться, меч снова был в ножнах.

Я и не знал, что наш Самурай практиковал йайдо. Успели ли заметить что-нибудь хашишины и как они восприняли это действие, я не имел понятия, но отточенное мастерство и координация восхитили меня. Марков использовал вариацию хараи-мен, на восходящем движении выхватывая меч, парируя удар сабли и выбивая ее из рук и тут же с разворотом на девяносто градусов влево срезая голову с шеи. Сабля со звоном отскочила от стеллажа, а тело, сделав по инерции несколько шагов (бегущий обезглавленный труп, брызжащий во все стороны кровью, – зрелище еще то!), рухнуло на пол. Гоша стоял, спокойно опустив руки вдоль тела, и безучастно наблюдал за оставшимися противниками. Те не желали так быстро умирать. Двое у дверей достали свое оружие – один нож, другой саблю, – и вся троица закружилась вокруг Маркова, выбирая удобный для нападения момент. Наблюдать этот танец смерти было невыносимо.

– Ааа! – заорал я, обрывая мерный шелест шагов.

Среагировали все сразу. Хашишины дернулись, думая, что их будут атаковать, а скорее, просто на громкий звук. Гоша же прыгнул, разрывая круг. Меч волшебным образом возник в его руке, араб, мимо которого он проскочил, схватился за горло, зажимая рану. Хашишины снова переключились на него. Один метнул нож, второй замахнулся саблей. Марков только и ждал, чтобы порезвиться. Первым движением он отбил кинжал, вторым отсек руку нападающего. Хашишин заорал и бросился на него, оскалив зубы, но был встречен коротким ударом сверху вниз, развалившим пополам череп – от теменной кости до нижней челюсти. Метатель ножа подобрал валявшуюся у стеллажа саблю и начал приближаться, делая мягкие, вкрадчивые шаги. Гоша не стал больше ждать. С громким криком он побежал на араба, взметнув катану над головой. Хашишин постарался рубануть приближающегося противника, но сделал это слишком рано – очень уж неукротимой оказалась атака. Ошибки в бою смертельны. Страшный удар рассек его грудь от левой ключицы до печени – катана была отточена как бритва. Хашишин повалился на пол, а Гоша вытер лезвие и убрал меч в ножны.

– Подбирай оружие, не стой!

Даже сейчас Марков остался верен себе. Коллекционер – это образ мышления. Мы собрали всё, что оставили «черные друзья». Сегодняшний день был богат событиями, и я начал действовать, на автомате. Мы поспешили убратся, не дай Бог, кто зайдет ненароком, свидетели нам были не нужны. Ментам и так забот хватало – убийство, и не двойное, даже не тройное, а... четверное. Да еще и с расчленёнкой, да еще и, скорее всего, «глухарь». Тут не только ГУВД на уши встанет, а еще и контрразведка подключится – иностранные граждане ведь!

Продажа исторических ценностей, намеченная как безобидная коммерческая операция, перерастала в голый криминал, которым, как мне казалось, дело не кончится.

Нам надо было срочно исчезнуть, и мы поехали к Гоше на дачу.

5

Сосновые поленья сухо потрескивали в глубокой пасти камина. Я сидел в кресле, вытянув ноги к огню, наблюдая, как пляшут языки пламени, и потягивал превосходное ирландское виски. И зрелище, и напиток действовали успокаивающе – именно это мне и требовалось. Я слушал объяснения Гоши Маркова, отслеживая факты с холодной академической скрупулезностью.

После смерти Хасана ас-Сабаха исмаилиты существенно утратили свое влияние, но до конца уничтожить шиитскую секту «пожирателей гашиша», как и любую террористическую организацию, не представлялось возможным. Около миллиона исмаилитов и сейчас живут в памирских районах Северной Индии, Пакистана, Афганистана и Таджикистана. Они возделывают маковые поля, торгуют опиумом и лепят из конопляной пыльцы чарз. Иных серьезных источников дохода у них нет. Духовный лидер исмаилитов Карим-шах ал-Хусайни, носящий титул имама Ага-хана IV, лелеет мечту о возрождении былого величия. Для хашишинов чрезвычайно большую роль играли личные вещи Вождя – Хасана ас-Сабаха, которые пропали сразу после его смерти. Исчезнув из крепости Аламут, они считались утерянными навсегда. Вероятнее всего, их выкрали и постарались укрыть противники секты (умница, Петрович, браво!). Со временем фидайны стали основной боевой единицей в борьбе мусульман против неверных. Целью миссии, с которой прибыли немцы, было не допустить укрепления позиций исламского фундаментализма путем возрождения организации хашишинов, могущего произойти в случае возвращения реликвий. Радикальных исламистских организаций, занимающихся террором, хватало и без этих легендарных киллеров-отморозков.

В уютной тиши гостиной было очень приятно слушать исторические экскурсы, делая время от времени глоток из стакана со льдом, даже тягостное осознание причастности ко всем этим делам куда-то исчезало.

– Кто эти немцы? – спросил я.

– Они члены Ордена тамплиеров, – невозмутимо ответил Гоша.

Очевидно, Марков задался целью меня шокировать, подкидывая все новые и новые сюрпризы. Теперь он дал понять, что идет противоборство организаций, возникших еще в глубокой древности. «Тамплъ» на французском означает «храм». «Братство воинства храма, рыцари храма, сражающиеся вместе бедняки храма Соломона» было создано в 1118 году французскими крестоносцами в Иерусалиме и вскоре приобрело широкую популярность. Во многих странах Европы были образованы филиалы, и лет двести «храмовники» продолжали победное шествие, пока разорившийся король Франции не решил поправить свое финансовое положение. 13 октября 1307 года по приказу Филиппа IV были схвачены все члены Ордена, находящиеся на территории королевства, а их имущество конфисковано в казну. 2 мая 1312 года «Братство воинства Христа» было упразднено буллой Римского Папы Климента V, в миру – Бертраана де Гота, обязанного монарху своим папским титулом, и тогда подверглись гонениям остальные рыцари Храма, находящиеся в самых отдаленных филиалах. Тем не менее Орден оказался весьма живуч, да и полного истребления его не требовалось Ватикану. Обессиленного зверя легче приручить: потомки крестоносцев продолжили священное дело воинства христового в борьбе с воинством Аллаха. Приехавшие в Петербург Эрих Август Лестер фон Ризер со товарищи являлись представителями германского филиала тамплиеров – Ордена Строгого Повиновения, заново основанного в XVI веке Готтхельфом фон Хундом, – с которыми в ходе коммерческой деятельности оказались связаны Борис Михайлович Марков и его сын.

Выслушав Гошу, я обреченно спросил:

– Что же теперь предлагается делать?

– Есть в городе еще один господин, – задумчиво ответил Марков. – Он представляет испанский Орден – Алькантара. Ему ты сможешь продать свою находку.

– Откуда ты их всех знаешь? – поразился я.

– Приходилось работать вместе, – многозначительно заметил Гоша. – По сути, мы делаем одно дело.

– А сразу почему к этому испанцу не обратились, если он был в Питере?

– Потому что он рыцарь Алькантары, а не Ордена Храма, – отвечал Гоша, и я далее вникать не стал. Приоритеты – это его забота, а мне надо поскорее реализовать вещи.

– Ладно, – резюмировал я, – на твое усмотрение. Будем надеяться, что чурки до нас больше не доберутся.

– *Mortem effugere nemo protest*⁶, – отрешенно произнес Гоша.

– *Me quoque fata regunt*⁷, – невольно улыбнулся я.

Как же редко приходится встречаться с достойным собеседником. Что за жизнь!

– Жизнь есть сон, – проницательно заметил Марков, словно отвечая на мои мысли.

– Тогда пусть он длится как можно дольше, – не будучи в восторге от китайских мечтателей наподобие Чжуань Цзы, взгляды которых Гоша, видимо, разделял, я опустошил стакан, угнездил его на журнальном столике и сменил тему разговора. – Почему ты не дал мне завалить арабов?

– Зачем тебя подставлять? Пока ты хранитель реликвий, мог бы не высовываться. Зря ты бегаешь по городу с криминальным пистолетом, – вздохнул Гоша. – Все нормальные люди ходят с холодным оружием. За него теперь не сажают. Если попадешься ментам – только штраф и конфискация. Можно хоть меч таскать, хоть кинжал, хоть саблю. Вот мы и приноравливаемся. Арабы – серьезные ребята в ножевом бою, но против катаны слабоваты.

– И давно ты ходишь с мечом по городу?

– Как только срок за него заменили штрафом. «Если меч понадобится хоть раз в жизни, носи его с собой всегда»! А вот ты напрасно с пистолет таскаешь. Уголовную ответственность за огнестрел ещё никто не отменял.

– Лучше рискнуть, – сказал я. – С пистолетом против бешеных арабов как-то надёжнее.

– Поступай как знаешь, – пожал плечами Гоша. – Только без большой нужды не применяй. Некоторые поступки необратимы.

– Ты уверен, что после сегодняшней резни тебе не захотят отомстить?

– Вовсе не уверен. С исмаилитскими реликвиями ты поднял большую бучу. Вообще-то хашишины в Питере народ мирный. Они не собирались привлечь к себе внимание. Задача исмаилитов здесь гнать наркотики в Европу, а не воевать. Гораздо безопаснее втихую делать свое дело. Это и удобнее, и дешевле. К тому же пока невыгодно открывать в нашем городе новую зону боевых действий, поэтому близнецом Сараево Питер не станет.

Обращаться за уточнениями, Сараево 1914 года или 1994-го имел в виду Гоша, почему-то расхотелось. Ну их всех к черту! Что мне нужно, так это получить свои сорок тысяч, а не соваться в дремучие разборки из-за непонятных идей. Я вспомнил Валеру с Женей, вспоротых в трущобах Бухары, и ощутил на спине ледяные пальцы смерти. Теперь-то я догадывался, чьих это рук дело, и не очень хотел присоединиться к дебильной компании. Меня больше устраивала жизнь – даже если она есть сон.

– Когда ты намечаешь организовать встречу?

– Может быть, сегодня, – задумчиво сказал Гоша. – На машине появляться не стоит, поедem на электричке. Часам к четырем будем в городе, оттуда и позвоним.

⁶ Смерти никто не избежит (лат.)

⁷ Я тоже подчиняюсь року (лат.)

Что мы и сделали, напрямиком направившись к Гошиному отцу. Борис Михайлович Марков был директором антикварного магазина «Галлус». Гоша заперся в его кабинете и начал вести активные переговоры, о чем свидетельствовало частое побрякивание параллельного телефона в бухгалтерии, где пока разместили меня. Спустя минут сорок вышел Гоша, сопровождаемый отцом, и поманил меня за собой.

– Дозвонился, – сообщил он. – Того, кого нужно, сейчас нет, а пока поехали, – он покачал ключами от отцовского «БМВ».

В машине Гоша первым делом сунул подзаряжать свой мобильник. Чтобы не пропала, как он выразился, оперативная связь. Телефон время от времени мелодично тренькал, и Гоша начинал фокусничать за рулем, пытаясь управлять одной рукой, что было непросто в условиях городского движения, а другой поднося к губам трубку.

– Давай пообедаем, – наконец предложил он, устав колесить по улицам.

В кафе было тихо. Мы взяли по банке пива и паре сэндвичей. Когда я размещал все это на столике, в бедро что-то кольнуло.

– Что за черт? – Я пощупал сумку, висевшую на плече, с которой старался на разлучаться, и обнаружил, что кончик кинжала, пропоров холщовый бок, торчит наружу. Я аккуратно убрал его на место, и мы сели за стол.

– Что-то Мегиддельяра долго нет, – озабоченно произнес Гоша и пояснил: – Это испанец, управляющий фирмы «Аламос», который будет представлять покупателя.

«А также рыцарь Ордена масонов, тамплиеров и компрачикосов», – мрачно подумал я, но разглагольствовать не стал. Было видно, что Марков здорово нервничает. На меня же напал созерцательный пофигизм, приобретенная в неволе привычка воспринимать происходящие вокруг события без эмоций, словно погодное явление, дождь или ветер. Я молча жевал свой сэндвич, прихлебывая горький «Гессен». Есть не хотелось, но кинуть что-то на кишку было надо. На даче мы разговелись лишь чипсами. Гоша ел с аппетитом, постоянно косясь на сотовый телефон и барабанил пальцами по столу. Терпение начинало изменять Самураю. Доев, он достал «Давыдофф» и закурил, что делал нечасто.

– Куда же он пропал? – Гоша стряхнул столбик пепла и обернулся на звук открывающейся двери. В кафе деловито входила группа молодых арабов. Их было пятеро.

«Каким образом?» – подумал я, понимая, что ошибки быть не может. Вошедшие явно не принадлежали к числу иностранных студентов – уж слишком они были заматерелыми. Глаза пятерки устремились на нас. Шедший впереди что-то гортанно крикнул, и вся тусовка двинулась в нашу сторону.

Первым моим движением – уже чисто рефлекторным – было повесить на шею сумку. В ней лежало моё обеспеченное будущее и еще что-то весьма важное, что ни при каких обстоятельствах мне не хотелось терять. Марков же вскочил и метнул стул в голову ближайшего араба. Тот увернулся, но получил удар ногой по горлу. Девушка за стойкой заорала. Гоша отпрыгнул в сторону, пропуская мчащегося хашишина, которого я встретил пинком в промежность. Почти маэ-гэри-кекоми! Я потерял равновесие и упал спиной на стойку, сумку при этом не выпустив. Гоша влепил двойной хлесткий удар ближайшей паре нападавших по почкам и встретил последнего боковым в солнечное сплетение. Двигался он с точностью часового механизма. Хашишины достали ножи, но держались пока на расстоянии. Тот, кто получил по горлу, так и не встал, да и мой «крестничек» катался по полу. Посетители быстро покидали кафе, девушка исчезла на кухне и, вполне возможно, набирала ноль два. Ждать ментов большого желания не было. Я выхватил пистолет и шмальнул в пол.

– Лежать! Лицом вниз, быстро, все! Лежать! – И я выстрелил еще раз.

Это было неправильно, хашишинов нельзя было пугать, потому что они начали обороняться. Все трое метнули ножи: двое в Гошу, один в меня. Я успел увернуться, сзади послышался звон бутылок, а Гоша качнулся и стал падать. Арабы замерли, ожидая результата, а я

медлил, помня наказ в людей не стрелять. Длилась немая сцена секунды три. Марков свалился, и больше терять мне стало нечего. Я поднял ствол и нажал на спуск. Повалились сразу двое. Мощная «токаревская» пуля со стальным сердечником пробила навывлет араба и застряла в животе стоящего за ним фидaina. Я впервые стрелял по живым людям. Оказалось, ничего страшного. «Одним выстрелом двоих», – мелькнуло в голове, когда я нажал еще раз. Рванувшийся ко мне хашишин нелепо подпрыгнул и упал, ухватившись за грудь.

Наступила тишина, пахло порохом. На столе запиликал мобильник.

«Это может быть испанец», – подумал я и шагнул к столу. Арабы, словно по команде, начали стонать. Мой «крестничек» вроде оправился, но я наставил на него пушку, продолжая отступать к столу. Араб испепелял меня ненавидящим взглядом. Гоша же был какой-то неживой. Один кинжал торчал у него из груди где-то на уровне сердца, а второй был стиснут в окровавленном кулаке. Остекленевшие глаза Самурая уставились в потолок.

– Зачем мне бокс и каратэ, когда в кармане есть тэ-тэ? – я опустил дымящийся ствол и виновато покосился на тело друга: – Прости, Гоша.

Мобильник продолжал бренчать. Я взял трубку.

– Аллю.

– Здравствуйте, – голос был явно с акцентом, говорил отдельно, медленно и тягуче. – Георгия Борисовича позовите, пожалуйста.

– перезвоните попозже, – ответил я, выключил трубку и положил ее в карман. Беседовать было некогда. – Лежи, сука, – сказал я арабу и добавил: – Твой мулла ишак сыктым, понял?

Не знаю, что он там понял из моего лингвистического изыска, но не двигался, уверенный, что я буду стрелять. А сам я уже не был в этом уверен. Но фидaин – «жертвующий своей жизнью» – он оказался хреновый и жертвовать, в отличие от своих товарищей, не торопился.

Оказавшись на улице, я дал дёру. Что-что, а свой родной город я знаю хорошо. Домой было нельзя, но отсидеться где-то было необходимо. И я направился к Ире, благо номер квартиры ее знаю. Ирка оказалась на месте и, к счастью, без мамы. По дороге я купил торт, шампанское, букет цветов и вполне достойно симитировал заход в гости. Свои эмоции я постарался забить на самое дно души.

Испанец позвонил спустя час. Я непринужденно достал из кармана трубу и нажал кнопку вызова.

– Аллю.

– Позовите Георгия Борисовича, пожалуйста, – произнес человек, явно узнавший мой голос. – Это Франсиско Мигель Аугустинторено де Мегиддельяр.

Я несколько ошалел, услышав полное имя своего делового партнёра.

– Вы можете говорить со мной, – ответил я, обдумывая каждое слово, чтобы не пугать сидящую рядом Ирку. – У меня есть интересующие вас э-э... предметы, а Георгий Борисович неудачно встретился с арабами.

– С ассасинами? – встревоженно уточнил голос.

– Да, к сожалению. Поэтому я буду один. Где мы можем пересечься?

– За вами заедут, – любезно сообщил де Мегиддельяр. – У вас, кажется, тревожная обстановка.

– Немного.

– У вас будет машина и охрана. Черный «Мерседес-триста», номер триста тридцать семь. Назовите, куда ехать.

Я сообщил адрес, и мы распрощались.

– У меня тут небольшие дела. – Я улыбнулся Ире, которая тотчас же прониклась ко мне глубочайшим вниманием, ибо запах денег требует максимума любезности с потенциальным спонсором. – Сейчас за мной заедут, но я скоро вернусь. Не возражаешь?

– Приезжай, я буду ждать. Я так тебя люблю. Ты мне нравишься...

Последние слова она прошептала, томно припадая к моим губам. Но, видит Бог, мне было искренне на нее плевать.

Черный «мерсюк» де Мегиддельяра остановился точно у Иркиного парадного. Я быстро спустился во двор, помахал на прощание ручкой и сел в машину.

Открывший мне дверцу кабальеро был амбалом почти в сажень ростом, и я бы не удивился, если б по утрам вместо гири он упражнялся с двуручным мечом. Почему-то я вдруг поверил, что вижу перед собой современного рыцаря.

«Фирма „Аламос“», как гласила табличка у входа, помещалось на Миллионной улице среди подобных ему представительств иностранных фирм. Возможно, здесь занимались и коммерцией, но, судя по телосложению встретившихся в офисе служащих, фирме более приличествовали охранные функции. Что поделать, всё меняется. Современный рыцарский Орден – контора вроде офиса крупной торговой фирмы, и рыцари вовсе не галантные кавалеры в сверкающих доспехах, преклоняющие колено перед анемичной дамой, а хорошо подготовленные бойцы в пиджачных костюмах, с пистолетом вместо меча. Сам сеньор Франсиско Мигель де Мегиддельяр оказался высоким плотным пожилым человеком с седыми волосами и пышными ухоженными усами. В отличие от немцев, де Мегиддельяру не нужен был эксперт. Он сам осмотрел артефакты и остался доволен.

– Несомненно, это те самые предметы, – заявил де Мегиддельяр. – Я чувствую, как от них исходит... – он помедлил, – исходит сила. Вы в курсе, что это за вещи?

– Немного, – ответил я.

– Это очень важные исмаилитские реликвии. Без них невозможно полноценное возрождение секты ассасинов, поэтому попадание им в руки весьма нежелательно. Мы готовы их выкупить, но на этот день у нас нет суммы, которую вы хотите, и мы просим вас подождать немного. Хорошо?

– Да, – кивнул я. – Подожду.

– Пожалуйста, – взор де Мегиддельяра смягчился, – язываю к вам как христианин к христианину. Вы понимаете, как важно не допустить попадание к ассасинам реликвий их секты. У них уже есть перстень, но без всех трех вещей Ага-хан не войдет в силу. Ассасинам нужен новый великий вождь, каким был Хасан ас-Сабах. Его появление очень опасно, особенно в условиях современного вооружения. Ислам стремится распространить свое влияние на весь мир, а с реабилитацией исмаилитами ассасинов – их «меча» – жизни миллионов мирных христиан окажутся под угрозой. Если предметы попадут к нам, мы сумеем навсегда их спрятать.

– Почему бы их просто не уничтожить?

– Такие вещи, – медленно, разделяя слова, словно втолковывая прописные истины несмышлёному ребёнку, объяснил мне де Мегиддельяр, – не уничтожают. Они по-своему живые, а таких заслуженных реликвий в мире немного. Такие вещи мы называем Предметами Влияния, потому что они воздействуют на человека, обладающего ими. Они воздействуют поразному. Согласно легендам, перстень усиливает разум, браслет – волю, а кинжал есть выражение самой доктрины секты – террора. Хасан ас-Сабах обнажал его только перед началом войны, чтобы призвать ассасинов на бой. Им же он убил двух своих сыновей. Этот кинжал внушает ужас, а когда он полностью извлекается из ножен, любой, в ком течет кровь первых фидайюнов, чувствует это.

Звучало это жутковато. И слово, произнесённое со знанием арабского языка, и легенда, и сама идея. Я вспомнил гибрида Валеру, зачарованно оглядывающего стол. Не золото искал он там, и, услышав рассказ де Мегиддельяра, я понял это с поразительной ясностью. А потом Валера взял оружие и пошел отвоевывать личные вещи Вождя. Может быть, даже бессознательно – его звал долг. И фидайны, идущие за нами по следу, тоже чувствуют близость святыни. Афанасьев был снова и как никогда прав, утверждая, что ножны – это защитный экран. Да и не нашли эти вещи раньше нас потому, что они были в ларце, надежно укрытые последними

хранителями. Но четыре идиота влезли не в свое дело, и теперь трое из них убиты, а четвертый пока еще жив. По счастливой случайности. И этот идиот – я.

– Мы учитываем ваши интересы, – очень вежливо продолжил сеньор де Мегиддельяр, – и понимаем, что вы не член Ордена. Однако осмелюсь предложить вам поместить предметы на хранение в сейф любого петербургского банка, а еще лучше – передать их мне, приняв взамен вексель, погашение которого состоится в течение ближайших дней. Нужно время, чтобы договориться с руководством Ордена в Мадриде, получить деньги и превратить их в наличные.

– Нет.

Может быть я и циник, но вексель – это бумажка. Доллар, конечно, тоже бумажка, однако совсем иного свойства. Она обладает покупательной способностью. Я, конечно, не член Ордена... А Гоша Марков, а его отец – члены русского филиала Ордена?

– Вы мне не доверяете, – слегка обиделся де Мегиддельяр. – Зная ведение бизнеса в вашей стране, это объяснимо. Но поместить предметы в сейф было бы намного надежнее и безопаснее для вас. Мне можно верить на слово. Я потомок древнего рыцарского рода, принимавшего участие во всех Крестовых походах, получившего фамильное прозвище от горы Мегиддо на Святой земле Палестины. В «Апокалипсисе» это место указано для Армагеддона, решающей битвы ангелов Света и Тьмы, репетиции которой в мелких масштабах делятся всю историю человечества.

– И все же... нет, – сказал я. – Я маленький и грешный человек. Да, православный чисто по убеждению, но даже не крещен. Посему, простите мне сребролюбие, но я предпочитаю вести сделку за наличный расчет. А раритеты как-нибудь уберегу.

– Жаль, – Мегиддельяр погрузился. – Впрочем, как вам будет угодно. Мы цивилизованные люди, только окружают нас подчас дикари. – Помолчал, видимо обдумывая свой невольно родившийся афоризм. Интересно, кого он имел в виду? – Может быть, вам выделить охрану?

– Спасибо, не надо. Я справлюсь сам, – отказался я. – А что все-таки делают хашишины в нашем далеком от их родины северном городе?

– Транспортируют гашиш, – подтвердил гошины слова испанец, – из одного перевалочного пункта в другой. Из Горного Бадахшана исмаилиты завозят в Россию гашиш и героин, которые доходят до Санкт-Петербурга и по морскому пути уходят в Норвегию, Данию и дальше в Европу. Деньги они пускают на усиление власти в горах Памира и готовятся перенести влияние на всю территорию Таджикистана, чтобы расширить охват мира учением Исмаила. Это будет огромная база для захвата дальнейших территорий, а заодно возведения химического комплекса по переработке опиума в чистый героин. Самим делать это весьма выгодно, не задействуя посредников. Но фундамент их зловонного храма – гашиш. Хасан ас-Сабах использовал его для подготовки фанатиков-убийц, и до наших дней мало что изменилось. Исмаилиты набирают убийц из числа невежественных, но физически крепких людей. Готовят их, а потом используют в своих целях. Их цель – нажива. Имея связи, можно нанять ассасина. Я расскажу вам одну историю, которая наглядно показывает, на что способны ассасины. В тысяча девятьсот восемьдесят первом году антипаписты наняли у исмаилитов одного из лучших убийц того времени – Мехмета Али Агджу. Он был турком, но избрал веру исмаили в юности по собственному выбору. Исмаилиты научили его убивать людей. Агджа успешно выполнял самые сложные поручения, на руках этого ассасина немало крови. Антипаписты хотели ликвидировать Иоанна Павла Второго, чтобы по возможности возвести на папский престол своего ставленника. У заговорщиков были информаторы в Ватикане, но убийцу пришлось брать с Востока, как семьсот лет назад. Они купили самого дорогого и самого хорошего исполнителя. Ассасин сумел подобраться близко к Папе, и выстрелил. Но случилось чудо, Господь отвёл пули от Своего наместника на земле. Ассасина схватили и пытали, однако он ничего не рассказал о своих истинных хозяевах. Тогда его посадили в тюрьму на двадцать пять лет. Али Агджа так и не раскрыл в своём зверином упорстве известных ему секретов. Его до сих пор считают членом

турецкой повстанческой организации «Серые волки», которого наняло КГБ. Вот с каким противником нам приходится иметь дело. Коварные ассасины – извечные наши враги с тех пор, как Хасан ас-Сабах произнёс свою первую проповедь на горе Аламут. Они были страшны, и, хотя сила их ушла вместе с Предметами, ассасины до сих пор представляют опасность. Задача Ордена Алькантара в Санкт-Петербурге – помешать исмаилитам, насколько это возможно. Мы, рыцари Господни, не должны допустить нашествия мусульман на цивилизованные страны, не дать им возможности завладеть душами европейцев. Нас мало, мы разрознены и нередко воюем друг с другом, как антипаписты с Ватиканом, но мы христиане! Ваш долг как христианина помочь нам. Цивилизованный мир будет вам благодарен.

Наступила пауза. Я молчал, переваривая услышанное. Наконец здоровый скептицизм сделал свое дело. Я тряхнул головой. Нет уж, развести меня как последнего лоха теперь вряд ли кому удастся. А ведь чуть было не согласился!

– Постараюсь сделать все, что в моих силах, – ответил я, показывая, что торговаться больше не намерен.

Де Мегиддельяр нацарапал что-то на визитке и протянул ее мне:

– Это на случай... На экстренный случай, если мы вам понадобится. Охрана вас пропустит, а секретарь отыщет меня, если я вдруг не окажусь на месте. Мы будем вам звонить, сообщим, когда получим деньги.

– Прекрасно, – сказал я. – Возможно, меня не будет дома, тогда я вам сам позвоню.

– Телефон господина Маркова вы пока можете оставить у себя, – проникновенно глядя в глаза, произнес де Мегиддельяр. – И берегите предметы. На них может оказаться много охотников.

– Непременно, – достаточно универсально ответил я и с тем покинул офис фирмы «Аламос».

6

Вечером третьего дня господин Мегиддельяр прорезался вновь. До этого на мобильник время от времени звонили гошины знакомые. Выяснилось, что похороны Гоши должны состояться завтра, но присутствовать на них мне не хотелось. Сам Борис Михайлович не объявлялся. Иногда трубку брал я, иногда подходила Ира. Из соображений безопасности я обитал пока у нее. С матерью проблем не стало – деньги в этой пролетарской семье были определяющим фактором. А семейка-то была действительно пролетарской. В том классическом понимании, в каком значились в цензовом кодексе Сервия Туллия те римские граждане, которые не могли дать государству ничего, кроме своего потомства. Дочка Ирины Софья уже называла меня папой, впрочем, как я понял, так она называла всех мужчин, кто задерживался тут больше чем на одну ночь. Но значения этому я не придавал, ибо не собирался становиться членом данной ячейки общества.

Полномочный представитель Алькантары в Санкт-Петербурге побеспокоил меня, когда я возлежал в теплой ванне, просматривая журнал «Вокруг света» за 1967 год. Я протянул руку и взял со стиральной машины трубу, с которой на всякий случай не расставался.

– Алло.

– Здравствуйте.

Я узнал голос и поспешил представиться.

– У нас все готово. Куда прислать машину?

– Куда и в первый раз.

– В половине девятого утра за вами заедут.

На этом мы распрощались. Ночь я почти не спал, был взвинчен и долго ворочался. К восьми часам я уже собрался и сидел как на иголках. К половине девятого машина не появилась, не было ее и в девять. Я подождал немного, нервно поглядывая в окно, потом набрал номер с визитки. Длинные гудки. Трубку никто не брал. Я перезвонил по второму номеру с указанием факса, но результат был тот же. Хорошо бы я был, обменяй драгоценности на листок бумаги, именуемый векселем! Я нервно рассмеялся, но взял себя в руки. Вероятно, сеньор де Мегиддельяр просто забыл дать распоряжение насчет машины, а служащие еще не пришли. Вполне вероятно, что машина уже едет. Могла же она задержаться? Еще через полчаса я и в этом разуверился. Мало ли какие у них возникли дела, но ведь и мое не последней важности! Продав до десяти, я решил нанести визит самолично.

Миллионная улица, обычно пустынная даже в разгар делового утра, оказалась забита машинами по преимуществу отечественных моделей. Я расплатился с таксистом и дальше пошел пешком. Место скопления автотранспорта оказалось знакомым, я там уже бывал, – около офиса «Аламос». Все четыре окна были выбиты, от них по стене тянулись черные полосы сажи. Автомобильный парк был представлен разнообразными ведомственными машинами ГУВД, ФСБ и пожарников, да и народ, тусовавшийся у входа и вымерявший что-то под окнами, был явно «оттуда».

Дабы не привлекать внимания, я с самым деловым видом прошел мимо и нырнул в ближайшую дверь напротив. Визит был целенаправленным – еще на подходе я заметил сквозь стекло любопытную физиономию вахтера.

– Привет, отец, – улыбнулся я, чтобы растормошить опасливого деда. – Чегой-то тут у вас случилось, пожар, никак?

Дедок смерил меня опасливым взглядом, но поболтать хотелось, и он оттаял.

– Бомбу взорвали. Говорят, какие-то «черные». Понаехали тут, на каждом шагу трутся...

– А кому сейчас легко? – спросил я и поспешно покинул вестибюль. Выслушивать причитания мне сейчас хотелось меньше всего. Два слова, важные для себя, я извлек, и эти два слова были ключевыми: «бомба» и «черные».

Я возвращался в полном смятении чувств. Настроение стало препоганым. Для террористов главным оружием в священной войне была и остается взрывчатка, а принципы... Да какие у «черных» принципы? И еще я понимал, что остался один. Я направился к Ирке. Мне требовалось общение, чтобы унять страх и заглушить еще что-то. Что, стыд?

У самых дверей я остановился. В квартире было что-то не так. Я не успел понять, что именно, но интуиция толкнула меня назад. Я шагнул к лифту и тут увидел хашишинов.

Их было четверо. Это были не те низенькие лощёные арабы, с которыми я сталкивался ранее, а высоченные мужики, густо заросшие волоснёй, с длинными узкими носами. Какой-то совершенно другой тип исмаилитов! Они мчались вверх по лестнице, их конечную цель определить было нетрудно. Но с хашишинами я управляться уже научился и, памятуя про оставшиеся три патрона, рванул из-под куртки ТТ.

Они не успели подняться и выстроились почти в одну линию – лестницы современных девятиэтажек не спланированы для маневров. Я открыл огонь, с максимальной поспешностью выпустив остаток обоймы. Затворная планка отскочила в заднее положение. Патроны кончились, но пистолет я не собирался бросать. Во-первых, это улика, а во-вторых, он еще послужит как кастет, да и в качестве пугача сгодится. А если доберусь домой, то смогу пополнить боезапас. Фидайны кучковались на площадке пролетом ниже. Они свалились друг на друга и теперь копошились, стараясь выбраться из этой свалки. Я вызвал лифт.

Между тем нападавшие пришли к консенсусу, кому лежать, а кому продолжать дело Аллаха, и двое, к моему неприятному удивлению, рванули вверх, а я, используя последние преимущества, им навстречу.

Убегать – значит растянуть агонию. Вот-вот должен подъехать лифт, и все, что от меня требовалось, это задержать фидайна. Носок моего ботинка разбил в кровь губы первого нападавшего, и той же ногой я добавил второму каблуком в нос.

Исмаилиты шли вперед. Это были настоящие хашишины – «одурманенные гашишем», или не знаю уж чем там обдолбанные, но лезли они напролом и глаза у них были стеклянные. За спиной послышался звук открывающегося лифта. Я ухватился за перила, подпрыгнул и обеими ногами толкнул агрессоров в грудь. Мне удалось свалить их и успеть вскочить в кабину, прежде чем фидайны оказались рядом. Я почувствовал боль, наклонился и ощупал ноги. Ладонь оказалась в крови. Нападавшие не шутили и порезали так лихо, что оружия я не заметил. Встретить их внизу я не опасался – лифт ехал быстрее, чем они бегали. Но оказалось, что для подстраховки одного дежурного они оставили. На первом этаже пасся фидайн, не готовый к моему появлению. До него было метра два, и я прыгнул, угодив ребром стопы в живот и добавив рукояткой пистолета по черепу. Хашишин вырубился, а я припустился наутек – сверху уже топотали.

Я несея что было мочи, благо недалеко. К себе на этаж я взлетел без помощи всяких подъемных устройств, и первое, что я сделал, заперев дверь, это отодвинул прикрепленный на шарнирах электрический счетчик и достал коробку патронов. Через полминуты я снова был готов к бою, но воевать оказалось не с кем. Я прошел в комнату, оставляя кровавые следы, задрал брюки и открыл аптечку.

Порезы, к счастью, были неглубокими. Один – на внутренней стороне правой икры, другой – снаружи левой голени. Работали, получается, с правых рук. М-да. Кроме этого «м-да» сказать было нечего. Меня пока не убили, но переиграли – однозначно. Наверное, прослушивали мобильник, вычислили-выследили Иркину квартиру. Получается, я вовремя ушел на Миллионную. А мой адрес они знают?

Ответом стал телефонный звонок. Сердце замерло, словно провалившись куда-то, а потом забилось так часто, что стало трудно дышать. Это они. За мной. Отвечать? Хотят вычислить, нахожусь ли я дома. Рой других мыслей пронесся у меня в голове, и наперекор, доводам разума, я поднял трубку и деревянным голосом произнес:

– Аллю.

– Слушай. Твоя женщина взята заложником. Поговори с ней.

– Илья, Илья, – Ирка плакала, – тут какие-то «черные», они ищут тебя. Отдай им то, что они хотят... Они грозят Соньку убить, а потом и меня. Сделай все, что они говорят...

Трубку отняли, и в ней снова зазвучал противный гортанный баритон:

– Убедился? Нам нужен кинжал и браслет. Мы тебя не тронем. Заверни во что-нибудь и сбрось из окна, тогда получишь женщину и ребенка назад. Ты не свое дело делаешь, не мешай нам.

– Хорошо, – сказал я, – хорошо. – Язык плохо повиновался, я говорил против воли. – Я сейчас это сделаю. Хорошо.

– Делай, – и трубку повесили.

Я тупо уставился в стену перед собой. Что делать? Ирка с ребенком в заложниках, «черные» всегда брали в заложники женщин и детей, ничего не изменилось и никакими священными принципами этих террористов не оправдать. А ведь Ирку действительно убьют, если я не выполню условия. Что теперь делать? Позвонить в милицию, чтобы СОБР устроил беспредельщикам кровавую баню? Нет. Обращаться к ментам – самоубийство, но и отдавать раритеты мне не хотелось. Скинуть вниз пустой сверток, а потом перестрелять тех, кто придет забирать? Завернуть гранату без чеки?.. Ничего из этого не годилось, а женщину с ребёнком надо было спасать прямо сейчас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.